

ВЫПУСК
19

Пиф

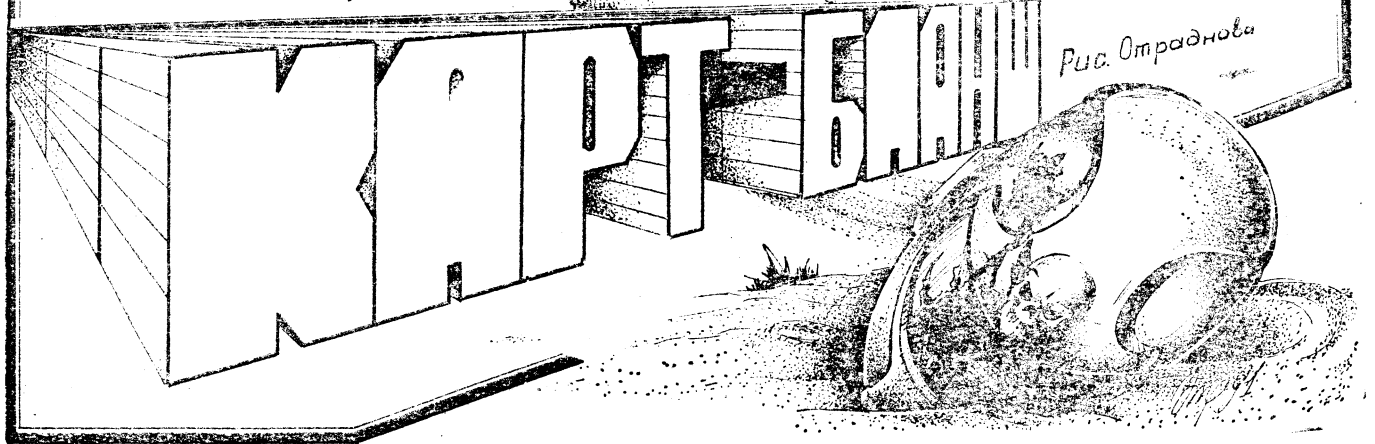
приключения фантастика

В номере комикс Ильи Отрадного «Горги»

Татьяна Грай

ПАТРУЛЬНЫЙ катер мягко опустился на песок неподалеку от кромки воды. Валерьян вышел первым, за ним выбрались Харвич и Астахов.

— Ну вот, — Астахов с удовольствием огляделся, — будем считать, что у нас месяц отпуска.

Берег здесь образовывал выступ, и мелководье голубым полукольцом охватывало пляж вокруг деревни. Ряды хижин расходились веером от центра деревни к океану. Лучи Среиды заливали их невысокие белые конусы. В стороне, ближе к воде, стоял домик с одним оконцем — патрульный пост. Сквозь избушку смотрело на деревню. С океана тянуло свежестью, но от сельвы, вставшей густо-зеленой стеной за деревней, наплывали время от времени волны духоты — тяжелой, влажной, пропитанной резкими запахами.

— Хорошо! — Винцент Харвич сел на песок, расстегнул ворот комбинезона — и тут же получил выговор от командира.

— Винцент, — Валерьян говорил сухо, — закройте воротник. На Беатонте необходима осторожность. Всегда. Граница сельвы не абсолютна, на побережье может залезть какая-нибудь дрянь. И не вздумайте обижаться, — добавил он, увидев, как вытянулась физиономия Харвича. — Вы здесь в первый раз, а добродушие Беатонты — видимость, не более того.

Астахов тихо фыркнул. Так его, так. Это вам не патрулирующие подходов к Беатонте, это — сама она, ошеломляющая буйными красками планета.

— Борис, — окликнул он Валерьяна, — ну что ты, в самом деле! Не нападай на мальчика.

Валерьян с размаху хлопнулся на песок, перевернулся на спину, вытянулся, раскинув руки, и покосился на Астахова.

— Ладно, не буду нападать. Просто выпорю в следующий раз. Как мальчика.

— Выпороть — непедагогично. Давай лучше устроим ему экзамен. Чтобы не забывал, где находится.

— Давай, — кивнул Валерьян. — Ну-ка, отвечайте, курсант Харвич, — почему и для чего возле Беатонты и на ней самой постоянно находится патруль Системы?

Харвич, изобразив на лице предельное усердие, вскинул.

— Беатонта — шестая планета Ореиды — звезды, очень удаленной от центра Системы, — находится под постоянной охраной патрульной службы в связи с тем, что на Беатонте произрастает некая анимацида, плод которой, созревающий единожды в год, представляет собой вместилище уникальной силы наркотика, а потому группы дельцов с окраин Системы пытаются добыть этот плод с целью наживы. Анимацида опасна тем, что содержит сложное соединение невыясненного состава, перерождающее сознание землян в негуманоидное.

— Неплохо, — сказал Астахов. — Значит, патруль ох-

раняет сольпугов от вторжения нехороших негуманоидов?

— Никак нет, — рявкнул курсант Харвич, — патрульная служба существует для охраны бестолковых людей от сольпугов.

— Как это? — сделал большие глаза Валерьян.

Харвич забормотал монотонно:

— Сольпуги — негуманоиды, внешне напоминающие земных фаланг. На любую попытку добыть плод анимациды сольпуги отвечают жесточайшими акциями, а потому неумным гуманоидам, желающим раздобыть средство для кайфа, грозит смерть. Педипальпы, то есть ногощупальца сольпугов, могут выделять ядовитое вещество, убивающее человека в считанные доли секунды. Сольпуги дали нам, представителям Системы, карт-бланш на охрану гуманоидов в районе Беатонты.

— Так-так, — повертел головой Астахов, изображая на лице работу мысли, — а не проще ли выдернуть с корнем эту самую анимациду, благо она одна-единственная?

— Никак нельзя, — отбарабанил курсант, — поскольку анимацида является: а) — священным растением, б) — необходимым для Беатонты экологическим звеном, в) — от нее неизвестным образом зависит разумность сольпугов. Во всяком случае, это утверждают сами сольпуги.

— Ну, что ж — Валерьян сел, потянулся, разминая мышцы. — Урок вы знаете. Советую во время нашего пребывания здесь помнить, что Беатонта — планета, абсолютно не приспособленная для гуманоидов. И не советую лезть с расспросами к сольпугам — этим болеют все новички. Общение с местными жителями — только по их собственной инициативе.

— Есть, капитан! — Харвич лихо козырнул и шлепнулся на песок. — А когда в последний раз Беатонту посетили пираты?

— Вы этого не проходили?

— Проходили, — Харвич умолк.

Сольпугов обнаружили тридцать четыре года назад, и с тех пор Беатонта стала бельмом в глазу Мирового Центра. Логика мышления и действия сольпугов оказалась непостижимыми для человечества — до сих пор Система не сталкивалась с негуманоидным разумом. Была создана Комиссия по Беатонте, изучавшая культуру сольпугов — не имеющую аналогов в известной части Вселенной, — и Комиссия добилась некоторых успехов в расшифровке значений их символики. Но, к сожалению, один и тот же символ в разных ситуациях имел разные смысловые наполнения, и невозможно было понять, что служило основанием к их изменению. А сольпуги на вопросы не отвечали.

Выявление наркотических свойств анимациды произошло случайно, на третий год после встречи людей с сольпугами. Агенты окраинной Компании увеселительных заведений прибыли на Беатонту для выявления новых растений, которые могли бы служить предметом бизнеса. Сольпуги не ожидали от людей ничего плохого, и люди бес-

препятственно бродили по лесам (тогда еще не было непроходимой сельвы), пока не добрались до холма, на котором росла анимацида — громадная розетка плоских овальных листьев, в центре которой раз в год появлялся малиновый цветок, а затем — плод, гигантский пушистый шар ярко синего цвета. Агенты, произведя химический анализ плода, в тот момент еще незрелого, светло-голубого, обнаружили в его составе несколько известных веществ с наркотическими свойствами и, недолго думая, сорвали и увезли шар.

Через сутки после отбытия корабля агентов вокруг холма собрались все сольпуги Беатонты.

В то время на планете находилось представительство Системы: трое социологов — работники Мирового Центра науки и культуры. Они передали в Центр сообщение о происшествии, отправились на переговоры с сольпугами — и пропали. Когда на Беатонту прибыли спасатели, их глазам предстала картина, напоминающая кошмары Босха — толпы сольпугов располагались вокруг холма, на котором росла анимацида, головами к холму, наполювину зарывшись в почву. Лес исчез: матово-зеленые панцири фаланг образовали сплошную гигантскую равнину.

По сольпугам можно было ходить, топтать, проехать на гусеничном вездеходе. Трое ученых лежали в центре мертвого мира, под розеткой анимациды. За их телами пришлось посылать «стрекозу».

Когда через год анимацида зацвела, сольпуги пришли в движение. Ослабевшие, на подгибающихся ногах, они пошли по кругу, образовав шевелящееся кольцо возле холма. И это непрерывное движение продолжалось сорок два дня — до того момента, когда плод анимациды приобрел ультрамаринный оттенок зрелого плода. За сольпугами наблюдали с орбиты — Центр запретил спускаться на Беатонту до выяснения отношений. Вечером сорок второго дня шар был сорван, и началась вакханалия. Ломаящиеся педипальпы взлетали вверх, треск сталкивающихся панцирей наполнил пространство. Танец сольпугов продолжался два дня и две ночи. Шар анимациды перекачивался по кругу. На третью ночь сольпуги собрались в огромную кучу, карабкаясь по спинам друг друга, — а когда они рассыпались, шара уже не было.

После этого сольпуги разошлись, а вокруг холма за несколько месяцев образовалась непроходимая сельва. На Беатонте в избытке произрастали ядовитые деревья, лианы, цветы и прочее — все это собралось вокруг анимациды, окружив ее оградой в сто с лишним километров шириной, а деревни сольпугов — веерообразно расположенные ряды белых хижин — встали по краю сельвы на равном расстоянии друг от друга.

ХАРВИЧ поднялся, прошелся по пляжу, взглянул на часы. До заката далеко. Первый день вахты. Патрульные группы на Беатонте сменялись раз в месяц — дольше психологи не разрешали людям находиться на этой планете: она очаровывала мнимым добродушием, обволакивала ленью, — и патрульные расслаблялись, а Беатонта словно ждала этого. Внезапно из сельвы налетали тучи какой-нибудь дряни: то это был рой вингобустов — жгучих мух, от укуса которых на теле образовывались неизлечимые язвы; то прилетала стайка крохотных птичек — и стоило такой птичке задеть человека, как тот мгновенно сходил с ума, словом, сюрпризов подобного рода на Беатонте хватало с избытком.

Теоретически Харвич все это знал. Но у курсантов Школы патрулей, впервые попадающих на Беатонту, теории нередко вылетали из головы при виде золотых пляжей, спокойного океана, прекрасной буйно-зеленой сельвы, и если курсант не успевал вовремя вспомнить инструкции, его ждали неприятности.

Смена патрулей происходила каждый тридцать первый день — утром, на орбите; и вновь прибывшая группа, по условиям, поставленным сольпугами, до заката должна была находиться на побережье. Именно в это время сольпуги выходили на берег, иногда — нет. Кажется, они вели ночной образ жизни, — хотя в этом у исследователей не было полной уверенности.

Патрульные группы не пытались завязать отношения с сольпугами. Дело патрулей — ждать, не появятся ли

новые любители ягод с чужих огородов. А контактами занималась группа социопсихологов — ее резиденция располагалась на противоположном от поста Валерьяна краю сельвы. Работники научного городка не могли похвастать успехами. Даже если сольпуги отвечали на вопросы, трудно было понять их ответы — ход мысли сольпугов, как правило, не поддавался расшифровке. Правда, сольпуги умели отвечать и так, чтобы ответы были вполне понятны людям, — но это было редко.

Валерьян и Астахов уже четвертый год работали в составе патрульной службы Беатонты, проводя по несколько месяцев в году на планете. Третьим в патруле чаще всего бывал дипломник Школы патрулей.

— Ну что, — Валерьян посмотрел на часы, встал. — Посидели — и будет с вас. Пора устраиваться на долгое житье.

Астахов и Харвич направились вслед за ним к избушке. Внутри домика было всего одно помещение. У входа — стойка с шестью костюмами полной защиты; три спальных места; аппаратура связи.

— Зачем шесть костюмов? — тихо спросил Харвич у Астахова.

Астахов, вздернув брови, посмотрел на курсанта.

— А что вы будете делать, если ваш костюм в неподходящий момент выйдет из строя? Сидеть в избушке, пока вас не снимут орбитальные патрули? Без запаса нам никак не обойтись.

— Разве они могут выйти из строя? — курсант был слегка ошарашен.

— Юноша, — обернулся Валерьян, проверявший аппаратуру, — на этой чертовой красавице может выйти из строя все, что угодно.

«Веселенькое местечко», — подумал Харвич.

— И что случаются такие казусы? — осторожно спросил он.

— Не очень. — успокоил его Астахов. — И только во время пересменки. В присутствии людей сольпуги не шалют. Но проверка содержимого дома проводится ежедневно. На всякий случай и в соответствии с инструкцией.

Закончив проверку, Астахов показал курсанту, как открывается сейф в стене, — там хранились копии отчетов патрулей за последний год и инструкции для тех, кто впервые работал на Беатонте. Инструкции Астахов вручил Винценту, а сам нацепил наушники и занялся прослушиванием отчетов. Харвич решил, что это еще один вид перестраховки, — ежедневные отчеты патрулей поступали на орбиту, и Астахов прекрасно знал их содержание.

Инструкции Харвич тщательно изучил еще во время пребывания в орбитальной группе, и тем не менее пришлось начать все с начала. Харвич знал, что Валерьян строг с подчиненными вдвойне и всегда требует строжайшего соблюдения всех правил. Прежде Валерьян работал в Разведкорпусе, и в одном из поисков погибли двое из его группы. Скорее всего, думал Харвич, вины Валерьяна в этом не было, просто уж так сложились обстоятельства.

Харвич машинально перелистывал инструкцию, а сам думал о Беатонте, о том, что представители Центра много раз пытались возобновить переговоры с сольпугами, однако фаланги встречали их весьма недвусмысленно. Видимо, для них не существовало разницы между учеными агентами и агентами Компании. И уже решено было оставить Беатонту в покое, когда началась новая цепь событий, вынудившая землян предпринять очередную серию попыток наладить отношения с сольпугами.

Компания увеселительных заведений, выждав некоторое время, пустила анимациду в дело. В кабачках на окраинах Системы стали подавать коктейль «Беатонта». Стоимость его, вначале обычная для напитков такого рода, вскоре подскочила до цифр, едва ли не астрономической. Печально известный в прошлом ЛСД показался бы детской забавой в сравнении с соком анимациды.

Те, кто однажды пробовал коктейль «Беатонта», готовы были заложить душу дьяволу, лишь бы еще раз насладиться ощущением неземного блаженства, покоя и неизвестно чего еще... И это оказалось еще не самым страшным.

Несмотря на запреты и обыски, Компания сумела сохранить часть сока. И вскоре произошло первое убийство.

Землянин Рой Либерти убил прибывшего на Землю гуманоида с Дилайены. Убил с целью ограбления, сразу же после того, как житель Дилайены получил земную валюту. В ходе следствия выяснилось, что Либерти несколько дней следил за пунктом снабжения внеземлян денежными знаками Солнечной и, дождавшись удобного случая, совершил зверское убийство. На допросе Либерти вел себя странно. Казалось, он не понимает, почему его задержали. Он спокойно объяснял: «Мне нужны были деньги. Я хочу купить коктейль». Им занялись психологи, и результат обследования ужаснул их: в сознании Либерти не осталось никаких этических установок. В нем звучало только «Я»: «Я ХОЧУ, МНЕ ТАК ПРАВИТСЯ, МНЕ ПРИЯТНО». Даже слабых следов понятий долга, совести обнаружить не удалось. Желания заполнили мозг несчастного Либерти.

Его сочли тяжело больным, отправили в госпиталь, и дело закрыли. Однако через небольшой промежуток времени произошло еще несколько убийств по тем же мотивам.

Мировой Центр взялся за дело. Выяснилось, что преступления совершали земляне из числа тех, кто более, чем дважды наглотался «Беатонты» — на разум внеземных гуманоидов анимозида не оказывала столь разрушающего действия. Разъяренное руководство Центра одним ударом прихлопнуло все подозрительные кабакки и изъяло остатки сока анимозида. Сок передали на исследование; состав его оказался невероятно сложным. Большинство биологически активных соединений, входящих в него, идентификация не поддавалась.

Углубленная проверка сознания и психики преступников выявила еще одно обстоятельство. У этих людей изменилось сознание. Сначала, и это было воспринято как болезнь, однако позже специалисты пришли к заключению, что тут нет нарушения привычной логики трехмерности, а есть полная замена логических конструкций на какие-то иные, абсолютно недоступные пониманию.

Через год коктейль «беатонты» вновь возник в поле зрения Мирового Центра, и последствия его появления были еще более ужасны. Как обнаружилось при расследовании, Компания веселительных заведений, утратив вместе с анимозидой колоссальные прибыли, направила агентов на добычу нового шара, на этот раз зрелого. Агенты совершили наглый налет на Беатонту; и шар удалось украсть. На Беатонте повторился кошмар длительностью в год.

Мировой Центр вновь направил детективов по следам сока — но коктейль продолжал существовать, а Компания предприняла ряд новых попыток добыть плод анимозида.

Сольпуги приняли меры к охране священного растенья. Холм, на котором росла анимозида, стал ниже. Деревья сельвы подросли, сплелись кронами в сплошную массу, непроницаемую не только для взгляда, но и для специальной аппаратуры. Кроме того, в сельве появилось невероятное количество ядовитой дряни — летающей, ползающей, прыгающей.

Мировой Центр установил патрульные посты вокруг Беатонты, и, тем не менее, Компания не оставила своих попыток. Однако...

На космолетах, зависающих над сельвой, нарушается работа координационных аппаратов, что-то происходило и со способностью ориентации в пространстве у самих бандитов. Дойти до анимозида стало невозможно — тем сильнее было желание к ней прорваться. После гибели четвертой группы «ягодников» Мировой Центр направил на Беатонту специально подготовленных дипломатов, обладающих невероятной гибкостью мышления, — и сумели так добиться разрешения аборигенов держать пост на самой планете, а также обещающая сельпугов не трогать идиотов, лезущих на рожон.

После этого патрули благополучно перехватили несколько банд. Но пять лет назад...

ПОСТЫ патрульной службы располагались на Беатонте кольцом, центром которого была анимозида. Пираты благополучно проскочили мимо орбитальных патрулей и сели точно посередине между двумя постами. Наружная служба сообщила координаты «ягодников», и две группы патруля вышли на перехват. Но не успели.

К месту столкновения окраинных делег и сольпугов первой пришла группа Дюризана. К отчету прилагались снимки. Четверо грабителей были не просто убиты. Их сплюснутые, изуродованные тела лежали на небольшой прагалине, образуя двойной крест. Может быть, в символической жестокости Беатонты он означал то ли бесконечную признательность, то ли удовлетворенную месть.

После этого были предприняты новые попытки договориться с сольпугами — предлагали все, что возможно, лишь бы они не убивали дураков, а ждали, пока их поймают патрули. Сольпуги снова дали согласие.

За последние пять лет Компания только дважды повторила попытки добыть анимозида, и все обошлось благополучно: сольпуги шли вместе с патрулями, и наблюдали за захватом грабителей. Видимо, договор между людьми и сольпугами утвердился окончательно. Но полгода назад произошли перемены в правлении Компании веселительных заведений, у которой за последнее время сильно упали барыши, — поэтому патрульная служба воле Беатонты была усилена.

— Подъем! — сквозь сон услышал Харвич и вскочил. Небо за окном розовело. Над пляжем дымилась остаток ночного тумана, над деревней висело голубоватое марево, и белые конусы едва просвечивали сквозь жемчужную дымку.

— Красиво... — услышал Харвич голос командира. — Но непонятно. — Валерьян стоял у окна и рассматривал деревню.

Харвич подошел к нему. Ничего непонятного он не увидел.

Валерьян подошел к пульта и вызвал орбиту.

— Кто дежурит? — спросил он.

— Комаров, — ответили с орбиты.

— Здравствуй, Дима, — сказал Валерьян, — это Борис. У нас что-то начинается. Над деревней дымка, марево — хижин почти не видно. А что у остальных?

— То же самое, — сказал Комаров. — Ты уже пятый с этой новостью.

— Учтем. А пиратов на горизонте не видно?

— Ни пиратов, ни флибустьеров, ни даже просто потерпевших кораблекрушение, — сказал Комаров. — Горизонт чист — если, конечно, аппаратура не врет.

— Тогда до обеда, — сказал Валерьян, выключил переговорник и вышел наружу.

Харвич выглянул в окно. Валерьян, отойдя от избушки на несколько шагов, смотрел на океан. Что-то там вдалеке ему не понравилось — он щурился с таким выражением, словно рассматривал загадочную картину и пытался найти на ней кролика и морковку. Астахов оторвал Харвича от созерцания фигуры командира и заставил проверить костюмы, а сам, усевшись за пульт, защелкал тумблерами.

Харвич занялся проверкой, думая при этом, что ему, кажется, повезло — эта вахта не будет такой одуряющей, как те, о которых рассказывали курсанты, прошедшие здесь стажировку. Тридцать дней абсолютного безделья доводило стажеров до полного отупения. И при этом считалось почетным попасть на Беатонту, и руководство Школы патрульной службы утверждало, что практика на Беатонте — одна из самых сложных именно в силу однообразия. Легко быть готосым к действию, если обстановка меняется каждый день и каждый час, но попробуй сохранить собранность там, где годами ничего не происходит. А он, Харвич, лишь вчера попал на Беатонту — и уже сегодня с утра началось нечто, чего не бывало прежде.

Вернулся командир, вызвал орбиту и доложил, что дымка видна и над океаном, но не сплошная, а островками. Комаров передал приказ — никаких действий. Всем ждать, не отходя от домика более чем на десять метров. Валерьян снова ушел на пляж.

«Чего ждать? — думал Харвич вешая комбинезон на стойку. — Может быть, сольпуги решили объявить нам войну? А может быть, это просто угрюмый туман, который раньше почему-то не бывало. Мы ждем, а фаланги крадут в это время по глубинным переходам и возникают прямо перед нами здесь, в избушке, и раскатывают нас в лепешки, и уложат крестом. Впрочем, нас трое, креста не выйдет, получится шестихвостая звездочка».

Зуммер вызова прервал его мысли — с орбиты потребовали Валерьяна. Астахов высунулся в дверь, крикнул: «Борис! Орбита вызывает!» — и вернулся к наушникам.

Валерьян пришел, сел возле переговорника, спросил: «Что там еще?»

— Пираты, — спокойным голосом сообщили с орбиты.

— Координаты? — так же спокойно спросил командир.

«Это просто так, — думал Харвич, глядя на Валерьяна, — это, конечно же, учебная тревога. Они просто не хотят скучать и потому устраивают учебные тревоги».

Но это все-таки был настоящий налет.

Пираты сели на противоположном краю сельвы. Валерьяну сказали, что его пост в сельву не идет, и приказали заняться наблюдениями за деревней.

— Зачем? — спросил Харвич. — Разве аппаратура не действует?

— Действует, — вздохнул Астахов, — еще как. Только по инструкции и мы должны смотреть. А наш командир от инструкции на четверть шага не отступит. Впрочем, он абсолютно прав.

— Но зачем? — повторил Харвич. — Здесь куча всякой техники, постоянно записывает, фотографирует. Зачем сидеть и смотреть на пустую деревню?

— Во-первых, деревня не пустая, — Астахов искоса взглянул на курсанта, — просто сольпуги почему-то не хотят нам показываться. Во-вторых, аппаратура, конечно, штука хорошая, но ведь может отказаться, а? Представь, все сразу отключилось, и мы не узнали о событиях, знать о которых было бы совсем неплохо.

Дверь открылась, показался Валерьян.

— Идите сюда, — окликнул он патрульных, — лезьте в защиту.

Сосредоточенно и быстро они натягивали на себя костюмы полной защиты.

— Надеть лингаторы, — негромко командовал Валерьян, — комплект снаряжения, оружие — все иметь при себе.

— Что, в сельву пойдем? — спросил Астахов, прилаживая шлем.

— В сельву вряд ли, — Валерьян смотрел на стажера. — Но дело серьезное. Пираты хорошо подготовлены, проскочили вниз, как мыши: экранировка у них выше всяких похвал, на орбите их просто не заметили, и неизвестно, где они сейчас.

— Нам же дали координаты.

— Дали, дали, — Валерьян натянул мягкий шлем,ставляющий открытым лицо, проверил лингатор, надел обрuch на голову. — Ерунда это, а не координаты. Сольпуги начали действовать. Вся аппаратура врет безбожно.

— А связь? — Астахов подошел к пульту.

— Связь только с орбитой, соседние посты не отвечают.

Лингаторы, оружие, полный комплект походного снаряжения — все было проверено и укреплено. Потом прозвучал вызов орбиты. Комаров придушенным голосом сказал, что большинство постов молчит, координаты бандитов неизвестны, а стажера снять невозможно, потому что нельзя вывести ни один из катеров — на них разладилась система ориентации.

ВАЛЕРЬЯН отправил Астахова в деревню, а курсанту запретил даже высовывать нос за порог. Харвич сел на подоконник и стал смотреть, как Астахов бродит между белыми хижинами, наполовину скрытый дымкой, ставшей более прозрачной, невесомой. Ирреальность картины смущала воображение: черная гибкая фигура человека скользящего между белыми холмиками, по колено утопающего в голубом тумане — размытость линий. Харвич отвернулся от окна и посмотрел на Валерьяна. Тот стоял перед пультом, и выражение лица командира удивило Харвича.

— Борис Андреевич, а почему вы хотели отправить меня на орбиту?

— Потому что, — Валерьян говорил, не глядя на Харвича, — потому что нам, скорее всего, все-таки придется идти в сельву, а вы совсем еще мальчик.

— Я курсант Школы патрулей, Борис Андреевич. Я

выпускник и, надеюсь, достаточно хорошо подготовлен чтобы...

— Не сомневаюсь, — перебил его Валерьян. — Но в сельве Беагонты, да еще в такой ситуации... сюда вообще-то нужно десантников, но мы не можем их вызвать — связи нет.

— Значит, мы должны справиться сами, — пожал плечами Харвич. И потом, сольпуги теперь соблюдают условия договора.

— Конечно, — согласился Валерьян. — Соблюдают. И справимся. Вот только в сельву мы пойдем не на прогулку, а затем, чтобы ловить хорошо вооруженных бандитов. А они, случается, умеют стрелять

— Но ведь мы пойдем в полной защите!

— Это всего лишь слова, юноша, на Беагонте защита никогда не бывает достаточно полной. И не забывайте, что у нас остаются открытыми лица. Не нужно быть сверхметким стрелком, чтобы попасть в такую мишень.

— Да, действительно, а почему шлемы без щитков?

— Это одно из условий, поставленных сольпугами при переговорах. Мы вынуждены были согласиться, а иначе здесь просто не было бы патрулей.

— Но в конце концов, — Харвич не раз думал об этом, и сейчас, кажется, предстало возможность найти ответы на некоторые вопросы. — В конце концов, Борис Андреевич, зачем вся эта возня? Десятики людей годами сидят здесь, на планете, крутятся возле нее — ради чего? Чтобы спасти жизнь двум трем бандитам?

— Эти бандиты — такие же люди, как вы и я, — сказал Валерьян. — И точно так же имеют право на то, чтобы их жизнь охранял Совет — как и жизнь любого жителя планет Конвенции. Беагонты, как вы, надеюсь, знаете, войти в Конвенцию отказалась, и все, чего удалось добиться от сольпугов, — это разрешение на охрану людей.

— Но в сельве масса ядовитых существ, — растерянно сказал Харвич. — Как же тогда...

— Беагонты отличаются от прочих планет тем, что здесь, по нашему предположению, ничто живое не делается того, чего не хотят сольпуги, — серьезно объяснил Валерьян. — И ни одно, как вы изволили выразиться, ядовитое существо не укусит вас за нос. Но если вы откроете шею или руки — тогда другое дело. Это уже за рамками договора.

— А почему... — Харвич о многом хотел спросить командира, но вернулся Астахов.

— Не откликаются, — сообщил он. — Может быть, уже ушли в сельву?

— Может быть, — согласился Валерьян. — А может быть, и не ушли. — И напомнил: — От дома не отходить.

Астахов и Харвич вышли из домика и опять уселись на ступеньки.

— Винцент, — заговорил негромко Астахов, — мы, кажется, попали в изрядную переделку. Теперь все зависит от нас самих. Ты хорошо помнишь отчеты предыдущих патрулей?

— Конечно, Олег. Вы же сами составляли меня по сто раз их прослушивать, еще на орбите.

— Можно слушать тысячу раз, и ничего при этом не услышать, — возразил Астахов. — Ты мог не понять, от чего погибали патрульные. Даже наверняка не понял.

— Они были неосторожны, — сказал Харвич.

— Патрульные не бывают неосторожны, — сказал Астахов. — Тем более не бывают неосторожные десантники — а ведь здесь, на Беагонте, погибли двое десантников, ты это помнишь?

— Да, действительно, — Харвич попытался представить себе неосторожного десантника. — Тогда в чем же дело?

— Я уверен, — не спеша заговорил Астахов, — что все дело в брезгливости. Нормальное чувство. И Валерьян со мной согласен. Но нам не удалось доказать это Центру.

— В брезгливости? — Харвич недоуменно посмотрел на Астахова.

— Вот-вот, — сказал Астахов. — Мы не можем объяснить, то есть можем, конечно, только как-то это выглядит... Я примерно так рассуждаю. Самой высокой степенью психологической гибкости обладают, несомненно, разведчики. Им приходится работать в разных мирах и

они готовы к встрече с самыми неожиданными существами. Такое чувство, как обыкновенная человеческая брезгливость по отношению к какому-то формату жизни, им просто нечуждо. Брезгливые люди в разведке не работают. Иное дело — десантники. У них, как правило, не бывает времени, чтобы анализировать свои чувства и ощущения, они полностью направлены на внешние действия. Очень редко у десантника есть возможность, так сказать, остановиться и осмыслиться. И когда такая возможность вдруг появляется — случаются фокусы, не всегда приятные. А патруль? Мы годами работаем на одном и том же месте, и группы подбираются весьма тщательно, люди проходят полную проверку на совместимость. Так вот, для патрулей Безонты нужна еще специальная проверка — на совместимость с сольпугами, хотя неизвестно, как такую проверку проводить. Ты ведь их еще не видел, так что тебе трудно меня понять. Мировой Центр их тоже не видел, к сожалению.

— Почему не видел? — сказал Харвич. — Видел.

— Ты про фильмы, что ли?

— Да.

— Залиси—чушь, — категорично сказал Астахов. — Вот когда ты увидишь сольпуга, почувствуешь его рядом с собой, тогда и посмотрим. И предупреждаю — если не сможешь с собой совладать, в сельву лучше не соваться. Да тебя Валерьян тогда и не пустит. Он быстрее тебя самого в твоих чувствах разберется. Если даже будешь бояться фаланг — не беда, а вот если тебе станет противно...

— А сольпуги не ошибаются в человеческих ощущениях? — с сомнением спросил Харвич.

— К сожалению, не ошибаются, — сказал Астахов. Он замолчал ненадолго, прислушиваясь, и продолжил: — Ты не мог не заметить, что мы с Валерьяном много раз прослушиваем одни и те же отчеты. И ты знаешь, что мелкие неприятности происходят здесь довольно часто — ничего существенного, но все же. Мы изучили отчеты за пять последних лет. В них прослеживается связь, как бы это сказать, отрицательных эмоциональных всплесков у патрульных с этими самыми мелкими инцидентами. И хорошо, что отчеты патрулей не имеют определенной формы, их надиктовывают свободно — это скорее дневники, чем доклады. И если, например, сегодня кто-то из патрульных продиктовал: «Наши очаровательные хозяева не явились поздороваться утром», — вслушайся в интонацию. На следующий день, как правило, что-то происходит — налетит мошкара из сельвы или начнется вечером такой концерт, что мороз дерет по коже, и так далее.

— Сольпуги слышат, что происходит в доме? Или они читают мысли? — спросил Харвич.

— Нет, — сказал Астахов, — вряд ли они читают мысли. И уж, конечно, не подслушивают. Скорее они улавливают общий эмоциональный фон и пробивают в этом фоне. Я хотел бы разобраться в другом. Ответы сельвы самостоятельны, или сольпуги их вызывают? Ведь если это дело их лап, можно попробовать объяснить им, что человек, к сожалению, не всегда властен над своими чувствами.

ВНЕЗАПНО Харвич ощутил горячую волну, ударившую сбоку. Он вскочил. Астахов продолжал сидеть, но взгляд его стал резким и внимательным — он следил за Харвичем. Стажер не заметил этого, потому что в трех шагах от себя, слева, увидел сольпуга — и вздрогнул.

Громадных размеров то ли краб, то ли паук, покрытый бледно-зеленым матовым панцирем, уставился на Харвича круглыми красными глазами; от паука несло жаром, он слегка раскисался на многочисленных тонких педипальпах, поросших жесткой коричневой шерстью, и двойной клюв разевался, как пасть крокодила, утыканная рядами острых желтых клыков. Сольпуг хлопнул клювом и затрепал, посвистывая. Лингаторы забормotalи, переводя дребезжащие звуки в человеческую речь.

— Человек нов, но не опасен, — говорил сольпуг, — Я есть седьмое явление после Уриант-Деез. Кто ты, новое? Харвич в растерянности обернулся к Астахову.

— Представься, — сказал тот.

— Меня зовут Харвич, Винцент Харвич, я стажер, —

Харвич почувствовал отвращение к собственной слабости. «Мальчишка, — выругал он себя, — сопляк, какой ты к черту патрульный...»

Сольпуг помолчал немного и снова заговорил:

— Есть ощущение чужого. Чужое непроницаемо. Множество одинаковых, но разных, идут по следу, не умея остановить. То, что названо «патрульный пост», может идти с живущими здесь.

— Когда ты отправишься в путь? — спросил Астахов.

Сольпуг ответил:

— Есть возможное. Есть нужное. Есть необходимость. Взаимопонимание затруднено, однако возможно. Я приду.

Сольпуг шевельнулся, сделал шаг — и исчез. Харвич посмотрел направо, налево — сольпуга не было.

— Куда он подевался? — спросил стажер.

— Спроси что-нибудь полегче, — насмешливо ответил Астахов. — А лучше пойдём-ка собираться. В сельву придется лезть. Видишь, пригласили, да как вежливо — «взаимопонимание возможно». — И Астахов открыл дверь, пропуская курсанта вперед.

— Что он сказал? — спросил Валерьян, когда они вошли.

— В сельву зовет.

— Все проверишь еще раз, — сказал Валерьян. — Поскольку связи нет — оставим записку. На всякий случай.

— Что, уже и с орбитой не связаться?

— И с орбитой, — Валерьян начал укладывать запасные костюмы защиты, чтобы взять их с собой. — А что он еще говорил?

— Сказал, что сольпуги не могут остановить бандитов, — задумчиво сообщил Астахов. — Интересно, как эти «лягодники» снарядились?

— Не могут остановить? — Валерьян поднял голову. — Ты уверен, что понял правильно?

— «Множество одинаковых, но разных, идут по следу, не умея остановить», — повторил Астахов слова сольпуга. — Кажется, все ясно.

— Да, пожалуй, — согласился Валерьян. — А кто это был?

— Деез-Седьмой.

— Серьезный парламентар.

Сборы были закончены, и патрульные уселись у окна. Харвичу казалось, что нельзя вот так сидеть, ожидая неведомо чего, когда там, в сельве, мародеры рвутся к анимациде, а сольпуги не в состоянии задержать их, что нужно немедленно мчаться на помощь. Но командир не двигался с места, и Харвичу ничего не оставалось, как сделать вид, что он не менее спокоен.

— Винцент, — сказал Валерьян, — вам придется идти с нами, надеюсь, что у вас достаточно крепкие нервы. Сольпуги не любят стрельбы. Но любят пугать новичков. И если у вас сдадут нервы, страх будет расти в геомет-

рической прогрессии.

— Ты окажешься как бы под коллаком, — пояснил Астахов, — и мы не сможем к тебе пробиться, потому что сольпуги дезориентируют нас...

Харвич явственно увидел себя сидящим в громадной банке, набитой пауками, а по ту сторону стеклянной пре-

грады Валерьян и Астахов, крича и стреляя, бегут в разные стороны, и оба — уходят от него, Харвича, а пауки хохочут, разевая клювы, и педипальпы извиваются над его головой, и нет сил держаться на ногах...

— Стажер Харвич, — голос Валерьяна ворвался в мысли курсанта. — Какой у вас индекс воображения? — Тридцать два, — виновато ответил Харвич.

Валерьян и Астахов переглянулись.

— И вас пропустили в Школу патрулей?

— Видите ли, Борис Андреевич, — Харвич поежился под взглядом командира, — у меня индекс меняется. По обстоятельствам. Вы не беспокойтесь, все будет в порядке. Когда я проходил комиссию, у меня было шестьдесят единиц — вот и приняли.

— Почему же ты говоришь тридцать два? — спросил Астахов. — Где ты еще проверялся?

— На практике, после второго курса. Нашу группу послали на Рисиш — это система Беллатрикс, и там нас проверяли, только они эти данные собирали для себя, в Школу не передавали.

— И вы скрыли это от командования?

— Нет, что вы, Борис Андреевич. В отчете группы было указано. Но почему-то никто не обратил внимания.

— Странно, — пробормотал Валерьян, — и совсем некстати. Излишки воображения на Беатонте — опасны.

В деревне началось движение. Туман поднялся и растаял, а между хижинами появились сольпуги. Они неторопливо прохаживались, собирались в дружки, расходились, казалось, сольпуги танцуют, забыв о мародерах. Валерьян встал.

— Приготовиться к выходу, — скомандовал он.

Еще одна проверка снаряжения — и вот уже люди стоят перед домиком. Сольпуги кружатся. Их танец меняется: сольпуги двигаются все быстрее. Пять сольпугов отделились от мутно-зеленой круговерти и направились к патрулю.

Валерьян пошел им навстречу, Астахов и Харвич остались возле дома. Командир и сольпуги сблизились, и пауки затрещали.

Наконец Валерьян обернулся к ним и махнул рукой.

— Пошли, — сказал Астахов Харвичу. — И не забывай: главное — спокойствие. Главное — не сеутиться.

Валерьян ждал их. Пятеро парламентариев стояли впереди, а метрах в трех от них — плотная стена фаланг. Сольпуги не шевелились, только жутковатыми красными глазами следили за людьми.

— Плохие дела, — сказал Валерьян, когда Астахов и Харвич подошли ближе, — «Ягодники» не просто вооружены. На них непроницаемые для сольпугов скафандры — не исключено, что Компания не пожалела денег на специальную разработку. У них два вездехода или танка — я не очень хорошо понял, — их двадцать человек, и мы к ним ближе всех.

— Но нам дали другие координаты.

— Аппаратура на орбите врет. У пиратов ориентация тоже нарушена, но они прут напролом, и, похоже, решили прочесать всю сельву, только бы не уходить с пустыми руками. Ну что, — обратился Валерьян к Деезу, — идем?

Сольпуг потоптался на месте, выделывая какие-то фигуры ногощупальцами. Остальные пауки тоже затоптались. Харвич смотрел на них во все глаза, и Астахов объяснил:

— У них два вида речи. Даже три. Звуковая — это то, что мы слышим, понимаем; так они общаются с нами, но почти никогда между собой. Во всяком случае, очень редко. Есть еще звуки-сигналы, вполне членораздельные, однако лингаторы их не переводят — но это просто сигналы ситуации. А вот третий вид — речь жестов. Тут мы бессильны.

Сольпуги, наконец, замерли, прекратили жестикуляцию, и Деез-Седьмой обратился к людям:

— Мы есть то, чем являемся, и ничем иным быть не можем. Вы есть то, чем создали себя. Вокруг Создатель Разум — желающие добыть. Никто не хочет терять мысль. Необходимо остановить незваных.

Сольпуг повернулся и заскользил, как по льду, в сторону сельвы. Люди пошли следом. Четверо парламентариев неслышно ступали позади патрульных.

...В душном, сыром и горячем воздухе сельвы плазды, сталкиваясь, запахи незнакомых растений и хищных заерей, и после свежести побережья Харвич первое время задыхался, ему казалось, что он окунулся в горячую воду, и хотелось не идти, а плыть в этой странной и пугающей атмосфере.

Узкая тропинка позволяла идти только след в след, и Харвич шел за Валерьяном, ощущая за спиной Астахова, но не слыша его шагов — и люди, и сольпуги ступали бесшумно. Вокруг стояла полная тишина; ни насекомых, ни птиц не было видно, и ни один листок не шевелился. Лучи Ореиды пробивались сквозь кроны деревьев, и сельва походила на яркую декорацию, в которую вошли люди, и сольпуги, чтобы сыграть пьесу, сюжет которой был известен лишь хозяевам, а люди здесь оказались статистами.

Время перешло далеко за полночь, когда Деез-Седьмой внезапно остановился и заговорил:

— Ближе впереди — точка пересечения двух движений. Именуемое командир Валерьян должно пойти со мной.

Валерьян сделал несколько шагов, остановился и, обернувшись к Харвичу, сказал:

— Ни с места до моего возвращения.

Харвич молча кивнул. Валерьян и Деез направились вперед и скрылись в зарослях. Четверо сольпугов скользнули с тропинки в сельву и исчезли. Патрульные остались вдвоем.

— Почему они так странно к нам обращаются? — спросил Харвич. — «Именуемое», «должно», они что, беспомощные?

Астахов пожал плечами.

— Кто их знает, почему они так говорят. Семья у них, конечно, есть, раз есть отцы и сыновья. Но людей почему-то всегда называют «оно».

— Может быть, им трудно освоить понятия — предположил Харвич.

— Ну, нет, — возразил Астахов, — способностей у них, более чем хватает. Наши понятия они используют свободно. Вот только умудряются найти иной раз такие слова, что мы не можем разобраться — с полевыми-то лингаторами! — Астахов посмотрел вокруг. — Тебе не кажется, что нас ведут под конвоем? Сольпугам тропка ни к чему, но они идут за нами.

— Вы думаете, нам что-то грозит?

— Не думаю. Во всяком случае, нам ничего не грозит до тех пор, пока мародеры не пойманы. Просто очень странная складывается ситуация: мы здесь для того, чтобы охранять людей, — я имею в виду патрульную службу. Но сейчас идем, по сути дела, чтобы остановить людей и защитить сольпугов.

— А по-моему, все равно, — сказал Харвич. — Неважно, кого охранять, просто нужно сохранить равновесие.

— Все так, — не стал спорить Астахов. — И тем не менее, лучше бы от этой планетки держаться подальше. Если бы не Компания, мы бы давно так и сделали.

Из-за деревьев вышел Валерьян и сказал ровным голосом:

— Пойдемте.

За поворотом тропинки открылась большая проплешина в зарослях, и там... Харвич сначала не понял, что это. А потом ему стало плохо. Он отошел к зарослям, окружавшим поляну, и уткнулся лицом в кусты. К нему подошел один из сольпугов, осторожно тронул за рукав. Харвич обернулся. «Смотри, — сказал он себе, — смотри. Здесь люди были, но кто-нибудь. Их работа».

Поляна была переплакана вдоль и поперек гусеницами танков. Среди вырванных с корнем кустов, среди сочащейся зеленой кровью травы, лежали раздавленные сольпуги. Сколько их было — Харвич не мог понять, — наверное, несколько десятков. Размятые, раскрошенные панцири, перекуренные педипальпы. Харвич нашел глазами Валерьяна. Тот сгоял, наклонив вперед голову, и вид фигуры Валерьяна, напряженной и окаменевшей, ударил Харвича по глазам, и стажеру захотелось подойти к командиру и сказать ему... но что?.. Харвич не знал таких слов, которые могли быть сказаны сейчас, на этой поляне.

Астахов окликнул негромко Валерьяна:

— Борис! Лучше вернуться на тропу.

Валерьян какое-то время продолжал стоять неподвижно.

но, потом обернул взглядом поляну, и этот взгляд испугал Харвича едва ли не больше, чем изуродованные тела сольпуг.

— Да, — сказал Валерьян. — Возвращаемся на тропу. Люди и сольпуги вновь углубились в сельву. «Пересечение двух движений, — с недовольством думал Харвич, — пересечение. Сольпуги остались в этой точке, а люди ушли. У них танки — умудрились ведь раздобыть. А как всего трою, и оружие у нас... мы их даже остановить не сможем — танк высокой защиты нашими рогатками не подшибешь. Конечно, если бы здесь были десантники, все было бы гораздо проще. Но десантников нет».

Ескоре что-то неудовимо изменилось в сельве. Горячий воздух насытился грустью, ветви деревьев шевельнулись, уловив слабый ветер там, наверху: на зелень лег сероватый оттенок, притушил яркость красок. Смеркалось.

Шедший впереди Деез-Седьмой остановился и что-то протрещал Валерьяну. Астахов и Харвич подошли ближе.

— Предлагает сделать остановку, — сказал командир.

Деез-Седьмой взмахнул педипальцами, сообщая что-то стоящим позади людей сольпугам, потом обратился к командиру:

— Именуемсе патрульный пост не может передвигаться среди растущего, когда нет лучей дня. Ждите до восхода. Вернемся.

И все пять сольпугов исчезли в зарослях. Харвич посмотрел вокруг. Стена деревьев, кустов и лиан по обе стороны тропы показалась непроходимой и беспросветной, только наверху были окна среди листвы. Но сольпуги ушли именно в стену, впитались в нее, словно большие кляксы в дымчато-зеленую промокашку, и на промокашке не осталось следа.

— Присал, — объявил Валерьян.

Астахов сбросил рюкзак и вытянул из кобуры разрядник. Ярко-белые вспышки распорол темнеющий воздух, кусты и лианы затрещали, съежились, и между деревьями расчистился небольшой участок. Валерьян достал палатку. Через несколько минут патрульные сидели в уютном походном домике, и Астахов прямо из полу сервировал ужин, а командир задумался, смотрел в стенку, крепко ухватившись рукой за подбородок.

— Олег, — спросил Харвич, — а где же те страсти, которыми вы меня пугали? Мы ведь за целый день никого не увидели.

Астахов не ответил, зато Валерьян словно проснулся. Он посмотрел на стажера, перевел взгляд на Астахова и сказал:

— Да. Я думаю, мы еще очень далеко от «ягодников». Но почему нас не ведут прямо по следу?

— Непонятно, — согласился Астахов. — Зачем терять время? — Он покосился на Харвича, — А «страсти», молодой человек, надо полагать, находятся там, где сейчас «ягодники». Подойдем ближе — тогда и посмотримся. К тому же в настоящую сельву мы еще не вошли.

— Как это — не вошли? — не понял Харвич.

— В настоящей, — пояснил Астахов, — среди белого дня придется нам топтать с фонарями. А здесь пока так, парк культуры и отдыха.

— Вы говорите, нас ведут кружным путем, — помолчав немного, снова заговорил Харвич. — Впрочем, действительно... иначе мы увидели бы следы танков. Но неужели сольпугам безразлична смерть товарищей? Мне кажется, они должны хотеть поскорее остановить банду, вы согласны?

— Это еще вопрос, чего они должны хотеть, а чего не должны, — сказал Астахов. — Ты мыслишь по аналогии с человеческими моделями. А сольпуги — это сольпуги, и объяснить их поведение, исходя из земных этических норм, — невозможно. Что они думают и чувствуют, — тайна за семью печатями. Их культура настолько отличается от всех известных нам, что незачем даже пытаться оценивать их действия.

— Но Конвенция включает сотни планет, — возразил Харвич, — и всегда удавалось найти общий язык.

— Вы забываете, курсант, — сказал Валерьян, — что в Конвенцию входят только гуманоидные культуры. А с негуманоидным разумом Система столкнулась впервые. И поскольку до сих пор, как вы совершенно верно изволили заметить, всегда находилась общий язык, мы уверовали в

универсальность наших способов познания, в то, что наш разум может проникнуть в любые глубины и постичь все, что угодно. Но вот столкнулись с иной логикой — и застряли.

— Но, Борис Андреевич, — сообразил вдруг Харвич, — сольпуги-то нас понимают. Как же так? Ведь если бы у них была совершенно иная логика — они бы нас не понимали точно так же, как мы их?

— Дошло, наконец, — фыркнул Астахов. — В этом-то как раз весь фокус. У нас одна логика, у них — две. А вообще, пора спать.

— Да, — согласился Валерьян. — Давайте ложиться. «Две логики, — думал Харвич, засыпая, — и вторую они восприняли от нас; изучили ее законы, постигли наш внутренний мир, пользуются нашими силлогизмами, а между собой говорят жестами, не объясняя нам их смысла...»

О

НИ уже сложили палатку, и Харвич потянулся к своему рюкзаку, как вдруг из-под него метнулась скользкая тварь, и Харвич невольно отдернул руку.

— Кажется, начинается, — спокойно сказал Валерьян, проследив за движением травы. — Будьте осторожны, курсант.

Харвич посмотрел на перчатку. На ней светилась неяркая голубая полоска слизи, и Харвич вытер руку о траву. Он увидел, что сельва ожила. Множество каких-то букашек, мушек, червячков суетилось вокруг корней.

— Откуда они взялись? — спросил он Астахова. — Вечером никого же не было.

— То ли еще увидишь, — сказал Астахов. — Погоди, это даже не цветочки, а так, бутончики.

Сольпугов пришлось ждать долго, но вот на тропе возник Деез-Седьмой, на этот раз один. Он подошел к Валерьяну, взмахнул педипальцами и уставился красными глазами на Харвича.

— Что ты хочешь сказать? — осторожно спросил Валерьян.

— Новое, именуемое стажер Харвич, испытывает страх. Прибывают силы. Идет впереди, — и Деез направился к тропе.

— У кого прибывают силы? — спросил Харвич.

Валерьян ответил неопределенно: — Наверное, у вас. А может быть, у него. Вам придется идти за ним, стажер, сейчас лучше не спорить.

Длинные движения педипальп придавали сольпугу сходство с гигантской водометкой, скользящей по поверхности воды, и Харвич думал, что сольпуги, наверное, сначала были водяными пауками, а потом перебрались на сушу, но сохранили манеру двигаться скользко.

Тропинка сузилась, начала петлять, под ноги то и дело совалились большие коричневые лягушки, и Харвичу стало не до размышлений. Сельва темнела, деревья становились выше и сплетались кронами, лучи золотой звезды уже не могли пробиться сквозь их плотную массу. Душная зеленая ночь обступила людей, вспыхнули фонари на шлемах, и тогда сельва заговорила. Шорохи, визг и вой невидимых существ наполнили пространство, сгустились вокруг людей; казалось, эту какофонию можно раздвинуть руками, разрезать ножом, но внезапно все смолкло, и лишь протяжный звук остался в темноте, один, далекий и унылый.

Деез-Седьмой остановился и сказал Харвичу:

— Флейтизар.

— Не понимаю, — сказал Харвич. — Я не знаю такого слова.

Лингатор потрещал коротко, сольпуг вслушался и пояснил:

— Тафитах. Сальт-сальпина.

«Чтоб тебя, сороконожка, — выругался про себя Харвич, — будешь еще голову морочить».

Валерьян сказал:

— Переключите лингатор на свободный поиск.

Харвич переключил.

— Близо впереди — лианы, наполненные ядом, хищные руки, поражающие гнилью суставы, — послышалось из лингатора.

Валерьян, выслушав перевод, обернулся к Астахову:

— Может быть, включить поле?

— Обидится, — возразил Астахов, кивнув на сольпуга.

— Знаешь ведь, не любят они защитные поля. И вряд ли эти руки для нас опасны. Скорее всего, он просто курсанта пугает.

— Ладно, идем дальше, — и Валерьян обратился к Деезу. — Мы надеемся на тебя, Деез. Ты доведешь нас до цели.

— Цель уходит и приходит, — сообщил сольпуг. — Долгое шагание не всегда означает, что путь остался позади.

«А ведь он прав, — думал Харвич, глядя под ноги и отшвыривая на ходу самых нахальных лягушек. — Шагать можно и на месте, и мы, наверное, идем по кругу, вернее, нас всдут по кругу, мы, как лошади, вертящие жернов».

Вдруг между Харвичем и сольпугом вклинилось отвратительное существо, ростом с Дееза, и затопало по тропинке, соля и отдуваясь. Оно походило на рыбий скелет, на котором кое-где сохранились обрывки кожи тухло-зеленого цвета. Тупая морда гадины, обросшая растопыренной чешуей, почти уперлась в идущего впереди сольпуга, но тот, казалось, не заметил чудовища. Харвич схватился за разрядник, но Валерьян сказал резко:

— Не стрелять!

Харвич вернул оружие в кобуру. Сольпуг остановился, повернулся к чудовищу и коротко щелкнул. Скелет исчез. Сольпуг посмотрел на Харвича, и Харвичу показало, что он различает ухмылку на клювастой физиономии Дееза.

— Человек шумлив, — сказал сольпуг. — Гемитифл ушел. Придут другие. Видящие хорошо.

...Шли долго; тропа становилась хуже, под ногами захлупала вода, люди молчали, а Деез, как размытая неясная тень, двигался впереди, не останавливаясь, не оборачиваясь, слева.

— Не нравится мне все это, — сказал наконец Валерьян. — Время к ночи, а цели не видно.

Деез, словно только и ждал этих слов, остановился и заговорил:

— Близко — священное. Дарительница ждет. Нужно утро. Именуемое патрульный пост малочисленно. События злы. Здесь будет ночь, и здесь будет ожидание. Место готово, пройдите поворот.

И панцирь сольпуга слился с зеленеющей темнотой, растворился в ней без остатка.

Валерьян обошел Харвича и скрылся за поворотом. Через минуту вернулся.

— Действительно, место готово, — сказал он. — Есть где поставить палатку.

Маленькая полянка оказалась сухой и гладкой, словно ее нарочно выровняли для удобства людей. Палатка вписалась в окружность, оставив узкую дорожку травы вокруг себя. Чернеющие бастионы вздыбились над легким дэмионом, чьи-то глаза моргнули в листе — светящиеся, фиолетовые. Ночь пришла, молчаливая и серьезная.

— Борис Андреевич, — спросил Харвич, когда они устроились и приготовили ужин, — а как вы думаете, сможем мы втроем задержать «ягодников»? У них — танки, у нас — разрядники.

Валерьян полерхнулся и с изумлением уставился на стажера.

— Вы всерьез полагаете, что мы станем устраивать перестрелку? Мы должны, конечно, задерживать бандитов, но это не значит, что будет пальба. Неужели вы предполагаете, что люди — кем бы они ни были — не остановят свои дурацкие танки, если мы встанем у них на пути?

— Но ведь они раздавили сольпугов.

— Именно поэтому хорошо бы поскорее с ними встретиться.

Харвич помолчал, соображая. Астахов наблюдал за ним с большим интересом, потом спросил:

— Винцент, а тебе легко было поверить в разумность сольпугов?

— Да, — сказал он, — действительно, О'лег, вы правы. И мародеры, конечно, совсем не верят в разумность фаланг. А вы?

— А мы, — сказал Валерьян, — пребываем здесь уже три года. И смогли убедиться не только в их разумности, но и в том, что во многом нам до них далеко.

Что-то стукнуло снаружи в палатку. Валерьян открыл

вход. В темном проеме появилась клювастая физиономия, и Харвич решил, что это Деез-Седьмой, но Валерьян сказал:

— Здравствуй. Входи. Кто ты?

Сольпуг влез в палатку, шлепнулся на пол, подобрал под себя педипальпы, и стал похож на валун, из которого по какому-то недоразумению торчала живая страшноватая голова.

— Я есть второе явление после Ларьиз-Коди, — затрепал сольпуг. — Я есть желание отвечать. Седьмое явление после Уриант-Деез сообщает: есть точка, где можно понять. Не было раньше.

— Мы рады твоему приходу, — заговорил командир. — Меня зовут Валерьян, это — Астахов, это — Харвич, — представил он патрульных. — Ты говоришь, появились точки взаимопонимания. Что это значит, объясни.

— Объяснить рано, — сказал сольпуг. — Нужно поймать и ощутить. Спрашивай.

— У нас, конечно, много вопросов, — неторопливо сказал Валерьян. — Но первый — почему мы до сих пор не встретились с теми, кто хочет унести Дающую Жизнь?

— Ответ после ощущения, — сказал сольпуг. — Спрашивай.

— Хорошо, — согласился Валерьян. — Пусть так. Но какого ощущения ты ждешь?

— Ощущение точки должно возникнуть, — пояснил Коди-Второй.

— Круг, — сказал Астахов. — Меняй тему.

Тогда Валерьян спросил:

— Почему вы, сольпуги, понимаете нас, людей, а мы вас далеко не всегда можем понять?

— Вопрос задан был, — сказал Коди. — Живущие в месте, названном Научный городок, спрашивают. Разные миры. Разные глаза. Воспринимаем другое. Понятие био-генезис используется не нами. Понятие социогенезис отсутствует.

— Вы говорите жестами, — сказал тогда Валерьян, — и не хотите объяснить нам их смысл. Почему?

— Вопрос задан был, — отрезал сольпуг.

Астахов прищелкнул пальцами и сказал Валерьяну:

— На что ты рассчитываешь? Социологи тридцать лет задают одни и те же вопросы. Какой смысл их повторять?

— Подожди, — сказал Валерьян, — здесь что-то новое. Ты же слышишь, он говорит об ощущении, после которого возможен ответ. Какого ощущения он ждет?

— Ощущение точки, — сказал сольпуг.

— Опять круг, — с легким раздражением сказал Астахов. — Чего ты так добьешься?

Но Валерьян продолжал спрашивать.

— У вас есть поэты?

— Лениость, действительность, самоуглубленность — различие в тебе подобных. Мы не знаем состояния несоответствия. Есть состояние, названное гомеостаз.

— Не понял, ну, неважно. Ты можешь спорить со старшими?

— Есть мнение многих — значимость для тебе подобных. Есть мудрость мысли — значимость для живого. Есть необходимость действия — это другое.

— Опять не понял... А как вы воспитываете детей?

— Есть круги повторений — это важно. Есть вероятность нового — это забавно. Есть единица пространства, нет единицы бытия. Единица деления не связана со временем.

ХАРВИЧ вслушивался, и ему казалось, что глазное где-то рядом, и если чуть-чуть напрячь мысль — схватишь то, что ускользает неосязаемо. Нужно не спрашивать — формальная логика несущественна в этом мире. Необходимо сблизиться, почувствовать сольпугов — и странность Беатонты исчезнет, жестокость растворится в понимании, и раскрывается смысл загадочных символов, и люди узнают древние мифы Беатонты, а сольпуги поймут, что человек несовершенен, хотя и стремится к совершенству. Яркая картина на мгновение возникла перед глазами Винцента — он представил, как люди и сольпуги, смешавшись, танцуют на светлой поляне среди цветов.

Сольпуг встрепенулся, приподнялся на угловатых ногах.

— Скажи словами то, что увидел внутри себя, — потребовал он, обращаясь к Харвичу.

Валерьян резко обернулся к стажеру:

— Что такое?

— Не знаю, — растерялся Харвич, — я просто думал, да нет, я не знаю, что тут говорить.

— Говори виденное, — протрещал сольпуг.

— Я... я представил, что мы и вы, то есть я хочу сказать, сольпуги и гуманоиды... ну, что они вместе танцуют. Валерьян промолчал, но Астахов расхохотался.

— Борис. У него индекс воображения тридцать два. А у нас по двенадцать. Интересно, какие индексы в Научном городке?

Сольпуг встал.

— Ухожу, — доложил он Валерьяну. — Ощущение есть, ждите.

Закрыв полог палатки, Валерьян скомандовал:

— Немедленно спать.

И пробормотал, укладываясь:

— До чего же мы, черт побери, консервативны...

«Глупо, — думал Харвич, глядя перед собой в темноту, — но так традиционно. Для работы в космосе отбирают людей со средним индексом воображения: высокий индекс нужен поэту, художнику, а в космосе избытки фантазии приводили к катастрофам, пока не начали проводить специальный отбор и привыкли к этому, а время шло, все менялось, и излишек воображения давно перестал быть опасным. Но неужели все так просто — на Беагонте нужны фантазеры? Нет, слишком это просто. И все-таки если у людей и сольпугов есть идентичная предпрограмма, то найти ее могут скорее выдумщики, чем рационально мыслящие исследователи или дети, но дети испугаются фаланг».

Наутро сольпуги не явились.

Сельва дышала в лицо людям едкой вонью, и люди, как непрошенные гости, замерли на клочке сухой травы, а стволы деревьев, уходя вверх, смыкались стрельчатой аркой. Черно-зеленые сумерки невидимого дня молчали.

— Нужно идти, — сказал Валерьян. — Ждать бессмысленно. Возможно, они решили отказаться от нашей помощи.

— Идти, конечно, нужно, — согласился Астахов. — Но куда?

— Придется верить технике, — усмехнулся Валерьян. — И тропе. Если сольпуги не закрыли тропу — куда-нибудь она приведет.

Индикаторы изо всех сил перевирали действительное положение вещей. По некоторым показаниям, холм ацимоциды был в пятистах метрах от патруля, но при этом индикатор Харвича утверждал, что патруль находится на дне океана. Поэтому Валерьян решил идти вперед по тропе.

За первым же поворотом зависли в воздухе рыжеватые дымные облачка. Это оказались тучи мелких насекомых, они облепили патрульных, и люди стали похожи на лохматых рыжих медведей, с которых клочьями свисает линияющий мех. Насекомые кружились перед глазами, залепляли стекла фонарей. Вдруг мошкара исчезла, и Харвич увидел, что комбинезоны стали ярко-алыми.

— Интересненько, — пробормотал Астахов, — зачем они нас перекрасили? И чем можно покрасить эту гвань?

— Во всяком случае, это не мешает нам идти дальше, — сказал Валерьян.

Но дальше тропа исчезла.

Фонари осветили сплошные заросли, тянущиеся лианами к людям. Сельва пробудилась и напала. Лианы сочились мутным коричневатым соком, искры метнулись по стволам деревьев, и с четырех сторон к людям двинулись призраки.

— Оружие! — проник в сознание Харвича голос командира. — Круговая оборона!

Треск разрядников заглушил вой извивающихся теней, вспышки огня вспарывали темноту, отбрасывали прочь, но тьма не сдавалась, она посылала все новые полчища омерзительных тварей: лапы, клыки, щупальца напирали со всех сторон, валились сверху; желтые и мертвенно-синие глаза изливали злобу и ненависть, и люди, прижавшись друг к другу, стреляли, стреляли, Тени разлетались в

клочья, но возникали снова. Харвич не знал, как долго продолжалось побоище, но когда все кончилось, он, обессиленный, сел на землю.

— Стажер Харвич! — рявкнул Валерьян. — Встать!

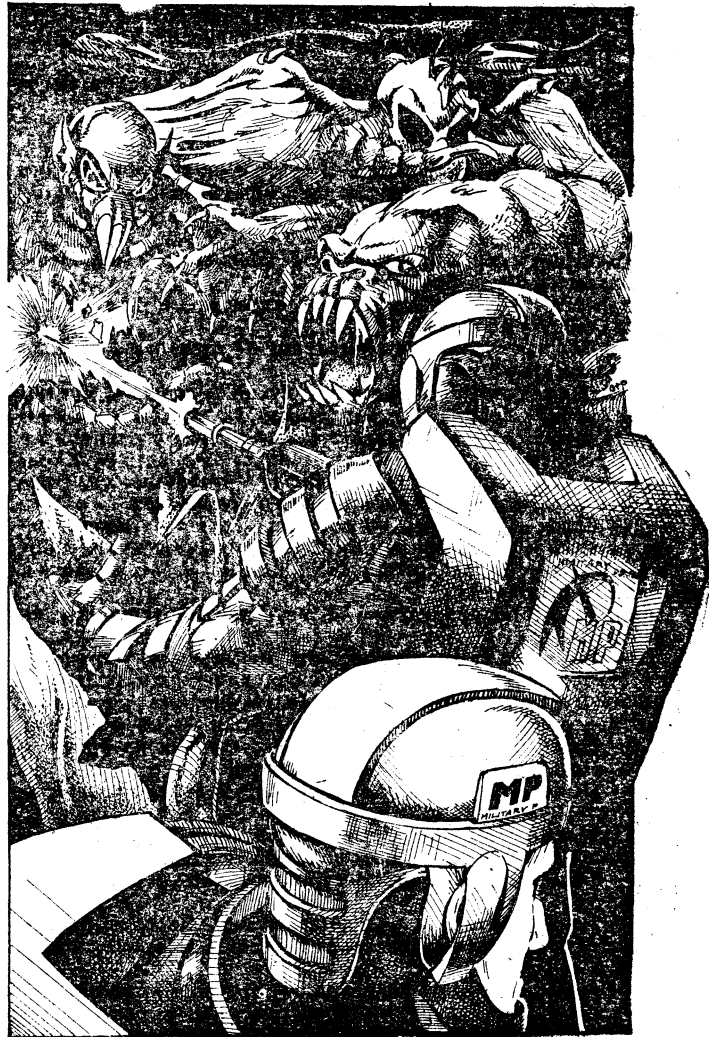
Харвич встал, ощущая противную слабость во всем теле, и посмотрел вокруг.

Сельва открыла перед людьми множество щелей в перепутанной стене колючих растений. Судя по индикаторам, холм ацимоциды находился справа, и в ту сторону вел только один проход. Патрульные вошли в узкий коридор.

Харвич чувствовал себя разбитым, и ему казалось, что они идут непременно в другую сторону, удаляясь от места главных событий.

«Зачем все это, — думал Харвич, — зачем люди постоянно суются в чужую жизнь и хотят непременно переделать на свой лад неизвестные им миры. Конечно, они исходят из самых благородных побуждений, но это болезнь, мы больны социальным детерминизмом, мы хотим перед каждой, вновь открывшейся нам культурой, пустить асфальтовый каток, чтобы разгладить и выровнять дорогу, и не хотим понять, что не всякий мир согласится на переделку. И для Беагонты у нас есть схема, общая для всех привычных нам миров, и мы лезем из кожи, чтобы впихнуть неведомое в знакомые рамки. И в сольпугах ищем не их собственное, принадлежащее только им и никому больше, — а то, что есть в нас самих; в их символах мы хотим обнаружить ясный нам смысл, подчиненный нашим законам и доступный нашему пониманию».

Валерьян остановился, и Харвич едва не ткнул носом в его широкую спину.

— Смотрите. — сказал командир. — Новое дело. Начали загадки загадывать, — и замолчал, резко подавшись вперед.

Перекрыв узкую тропу, в мокрой траве лежало нечто: пучки лиан, перевязанные жгутами травы, уложены были решеткой, и в центре возвышалось двенадцать шипастых веток. А позади...

Харвич вздрогнул, когда понял, что это. Пират. «Ягодник». Вернее, то, что от него осталось. Ключья скафандра высокой защиты. Отброшенный в сторону шлем. Рука, в пальцах которой сжат намертво клок шерсти. Кровавленные куски, разбросанные в гнилой луже.

Валерьян выругался. Астахов уже расшвыривал загромодившее тропу сооружение, прорываясь туда, где лежало растерзанное тело. Харвич пытался шагнуть вперед, сделать что-то, но не смог. Он подумал вдруг, что, когда патрульные оставают «ягодников», сольпуги, наверное, поступят с ними так же, не разбирая, где враги, где друзья.

ОНИ сидели на земле возле невысокого холмика, на котором лежал шлем. Вокруг стояла тишина, и в этой тишине возник далекий гудящий звук, словно летел громадный шмель. Валерьян поднял голову, прислушался.

— Танк? — спросил Астахов.

— Похоже, — сказал командир. — Идем.

Они встали. Вышли на тропу. Но тропа будто ждала этого — вздыбилась, затряслась; живые, с шевелящейся травой кочки двинулись перед людьми чередой, как волны в океане, отрезав путь, и ноги завязали в липкой тине, нахлынувшей вдруг неведь откуда — сельва приказывала оставаться на месте.

— Гады, — прорычал сквозь зубы Астахов, — многоножки чертовы.

— Спокойно, — сказал Валерьян, — что-нибудь придумаем.

— А, — махнул рукой Астахов, — не захотят — все равно не пропустят.

Валерьян сделал несколько выстрелов по кочкам. Кочки продолжали двигаться, на место сожженных напылали новые. Тогда Валерьян сбросил рюкзак, достал из него набор химических реактивов, так называемую походную лабораторию, и, выбрав один из баллончиков, направил на кочки тонкую струю шипящей жидкости. Результат превзошел все ожидания. Кочки взвыли, зашипели, взворахивая траву, — сначала ближние, на которые пала струя химиката, потом дальние, — и распластались, улеглись, срывающиеся с землей, — затихли. И тина уползла — нехотя, почвакивая и пузырясь. Но не успели люди сделать и нескольких шагов, как в драку полезли лианы. Куски лиан, срезанные выстрелами и упавшие в траву, продолжали корчиться, пытались добраться до людей и сверху, сзади, с боков лезли сотни растительных змей, бессмысленно упрямые, брызжащие мутным ядовитым соком. Наконец, и лианы уgomонились. Еще несколько выстрелов, и тропа освободилась, только хлопья пелла вспархивали из-под ног, и патруль снова пошел вглубь сельвы, туда, откуда доносилось гудение танка.

— А дорогу не закрыли, — сказал через несколько минут Астахов. — Не очень-то стремятся нас остановить.

Гудение приближалось. Вскоре стал различим звук двигателей второго танка, — и этот второй шел с надрывом, тяжело и медленно.

Но вот тропа расширилась, и перед людьми встало новое сооружение — розовые штопоры окаменевших лиан выстроились полукругом, в центре которого громоздились морские раковины, а наверху пестрой кучи, глядя обреченно на патрульных, стоял шлем от скафандра — пустой, облепленный тиной.

Валерьян подошел к сооружению, осторожно снял шлем и положил его в сторону; ударом ноги развалил экзотическую пирамиду, сбил нелепо-изысканные штопоры, и они с Астаховым пошли вперед, вернувшись, осматривая лужайку — двигаясь резко и быстро, кипая молчаливой яростью.

Харвич тоже обшел поляну, всматриваясь в узкие просветы между деревьями, заглядывая под узловатые арки кор-

ней.

— Нет, — сказал Астахов. — Издалека принесли.

— Сколько штопоров? — внезапно спросил Валерьян. Штопоров оказалось шестнадцать. Валерьян побледнел. — Как они выманяют их из танков? — тихо спросил он. — И заставляют раскрыться...

На тропу вышел сольпуг. Он неторопливо приблизился к людям, осмотрел разгромленный символ и заговорил:

— Правомочность ответа признается вами. Мы признаем за собой. Я веду вас. Ответ ума часто не имеет смысла. Видим одно, понимаем разное. Веду, следуйте.

Сольпуг скользнул вперед, и патрульные вынуждены были идти за ним. Харвич думал, что сольпуг прав, в конце концов, не сольпуги напали первыми, и убийство «ягодников» — всего лишь самозащита, но все его чувства восставали против этой правоты.

Шли почти три часа, затем сольпуг объявил привал и исчез. Над полянкой, предназначенной для остановки, деревья свернули кроны и раскрыли небо. Ореида еще не зашла, сумерки не успели стуситься, и, поставив палатку, люди уселись на траву рядом с ней. Все трое молчали, думая об одном и том же.

Шорох и посвистывание, раздавшееся позади палатки, заставили патрульных обернуться. Из-за палатки вышел сольпуг. Не мутно-зеленоватый, а розовый. Вокруг палатки засновали в уходящем свете крохотные существа, многоликие, неуклюжие, и Харвич вдруг понял, что это — сольпужата. Они еще не имели панцирей, их тельца покрывал нежно-голубой пух, и они, как лазоревые цыплята, с тихим писком перекатывались в траве. А сольпужиха, как заботливая клушка, что-то им объясняла, кудахтала, ворчала, а потом обратилась к людям:

— Воспоминание и предвидение, — сказала она, — понимание состояний. Я есть Орис-Силаетугф. Подобные вам страдают иллюзиями. Слабые и не ловкие, недавно рожденные, нуждаются в защите. Почему останова?

— Мы идем туда, куда нас ведут, — объяснил Валерьян, — а нас никак не хотят привести на место.

— Глупо, — очень по-человечески сказала Орис-Силаетугф. — Шутки затянута. Неразумность воинов. Готовьтесь идти.

Она тихо засвистела, голубые комочки сгрудились вокруг нее, и вся компания исчезла в зарослях.

— Укладываемся, — сказал Валерьян, и патрульные быстро собрали палатку.

Они сидели на траве, и Харвич думал, что он никогда прежде не видел сольпужих — ни в фильмах, снятых на Беатоне, ни на фотографиях, и даже упоминания о розовых сольпугах никогда ему не встречались.

— Борис Андреевич? — спросил он, — а вы раньше видели розовых сольпугов?

— Нет, — сказал Валерьян, — и не только я, никто не видел. Любопытно, — продолжал он задумчиво, — она сказала «шутки». Шутки затянута. Олег, — обратился он к Астахову, — тебе не кажется, что сольпуги все-таки действуют в пределах договора?

— Но... — Астахов уставился на командира. — Но...

— Одного они убили — это так. Но только одного... а сколько сольпугов осталось на той поляне? И что мы знаем об остальных «ягодниках»? Шлем на тропе еще ничего не значит.

Астахов подумал.

— Да, — сказал он, — ты, наверное, прав. Но странно все-таки. Почему она к нам вышла? Да еще с детьми?

— Полагаю, что виной тому — стажер Харвич с его богатым воображением, — слегка насмешливо сказал Валерьян. — Очень уж он сольпугам по душе пришелся.

— Не может быть, Борис Андреевич, — усомнился Харвич. — то-то слишком просто выходит.

— Не скажите, юноша, — возразил Валерьян. — Не так просто. Сольпуги никогда не сталкивались с фантазерами вроде вас.

— А зачем вообще мы кругом суемса со своей культурой? — неожиданно для себя спросил Харвич. — Мы предлагаем всем свои образцы, но ведь мы сами не признаем чужие этические нормы?

— Вот видишь, Борис, — негромко сказал Астахов, —

не я один такой...

Валерьян не ответил.

ПРОШЛО около часа, прежде чем сольпужиха вернулась. Она с шумом ворвалась на поляну и выпалила:

— Ненужность событий открывена. Следуйте, спешим, — и ринулась на тропу.

Люди почти бежали за ней, а она трещала на ходу:

— Аутоэволюция — новое слово, действие проходит без обозначений. Познание необратимо.

Ночная сельва расступалась перед шквальным наступлением сольпужихи, все шарахалось в стороны, освобождая перед ней путь. А потом открылась широкая поляна, над которой висели низко непривычные созвездия. А на поляне...

В светящем воздухе — две черные тушки танков, недвижные, молчаливые, как двадохлых кита, неведомой силой заброшенные в дикий лес, — вот только из этих китов торчали стволы дальнобойных пушек.

Патрульные замерли на краю поляны.

— Скооро будут лучи, — сказала сольпужиха. — Наблюденение и тишина. Сюда, — и Орис-Силайетуф повела патрульных в гущу деревьев и кустов.

Там оказалось уютное укрытие. Валерьян с некоторым сомнением осмотрелся и сказал:

— Может быть, мы лучше пойдём к танкам и попробуем поговорить?

— Нельзя, — категорически заявила Орис-Силайетуф.

— Прежде слов нужно видеть. Внимательное ожидание. Бессловесность. Игра серьёзна и легкомысленна. Нет оснований к страху.

— Как это — нет оснований к страху, — сказал Валерьян, — ведь сольпуги убивают «ягодников»!

— Возможно, — согласилась Орис-Силайетуф. — Но не обязательно. Есть настоящее, есть кажущееся. Ждите лучей.

Сольпужиха ушла, и патрульные остались одни в тесном пространстве зелёной пещеры, через амбразуры которой поляна просматривалась вдоль и поперек. Танки не двигались, ни один звук не нарушал покой сельвы, и рассвет приближался — таинственный и розовоюющий.

«Есть настоящее, есть кажущееся», Игра... — пытался сообразить Харвич. — Интересно, что она хотела сказать? Уж не показалось ли нам, что мы нашли изуродованное тело? Может быть, на самом деле пирата никто не убивал? А второй... правда, там был только шлем. Но что тогда означали сооружения на тропах? Двенадцать, шестнадцать. То-то было бы хорошо, если бы все эти дураки сказались целехоньки, а тот, растерзанный? Нет, чего-то мы не понимаем, а, вернее, ничего не понимаем, водят нас вокруг пальца, а мы уши развесили».

Рассвело. Один из танков внезапно чихнул двигателем, и над его башней поднялся перископ. Он нервно крутанулся, танк взревел, ошестинился стволами ближнего боя и двинулся в сторону зарослей. А из стены навстречу ему...

...Прямо из плотной зелёной массы вышли они, трое — Валерьян, Астахов и Харвич, в черных костюмах, — и замахали руками, предлагая танку остановиться.

Харвич посмотрел на Валерьяна. Тот, следя через щель за двойниками, достал разрядник и переел его на холостой бой. «Зачем? — подумал Харвич. — С пугачом притягиваешь привидений. И почему сольпуги говорили, что не могут остановить, впрочем, сначала действительно не могли, или не хотели? Надеялись договориться и погибли под гусеницами».

У «ягодников» никаких сомнений, судя по всему, не было. Негромко захлопали выстрелы. Харвич сначала удивился: почему так тихо, потом сообразил: глушители. Троица патрульных ловко избежала пуль, и вновь черные привидения замахали руками — молча, бесшумно.

Неожиданно надвинулись плотные тучи, сверкнула мощная молния, и разразилась гроза, — струи толщиной в палец лупили по деревьям и привидениям, поляна мгновенно превратилась в бурлящее озеро, гусеницы танка завязли: в фиолетовом свете, залившем сельву, металлическая глыба казалась тонущим в первобытном болоте

мамонтом со многими хоботами; патрульные стояли по колено в воде, но Валерьян не давал команды покинуть убежище. Ветер завыл тоскливо и длинно, секущие качающиеся воды качнули танк, он едва не опрокинулся, вода ушла, и трава задымилась под горячими лучами; чёрный туман расстелился над ней, и вместе с туманом воинчли клубы цветных насекомых.

Насекомые то растекались легкими облаками, то шевелящейся массой валились на вооруженную машину. Шобов громаду, а когда взлетали — танк менял цвет, становился желтым, белым, розовым. Наконец, мошкара исчезла, оставив в покое теперь уже оранжевый, танк. Харвич подумал, что вид у этой горы теперь стал очень глупый и растерянный. А второй танк стоял неподвижно, мошки не обращали на него внимания, и теперь он, черный и закопченный, рядом с ярко-оранжевым собратом, выглядел еще более мрачным и уродливым.

А потом сельва засмеялась, захихикала, захохотала. Кружились над поляной птицы, кричали радсадливными голосами; зашелестели в траве змеи и ящерицы, прыгали вокруг оранжевого болвана толстые синие лягушки; примчалась стая павианов — они верещали, влезая на танк, цеплялись хвостами за стволы орудий и качались перед смотровыми щелями, строя дьявольские рожи.

Бронированная крепость нелепо-морковного цвета сначала пыталась сопротивляться этому наваждению, металась по поляне, стреляя неведомо куда, — но вскоре танк затих. И вновь появился призрачный патруль. Танк внезапно рыкнул, развернулся — и проскочил сквозь тени, продолжаящие размахивать руками.

— Так, — сказал Валерьян. — Оставляйтесь на месте.

Астахов пытался возразить, но Валерьян отрубил: «Выполняйте приказ!» — и выбрался из тайника. Он встал перед зарослями, держа в поднятой вверх руке разрядник, и ждал, пока люди в танке заметят его алую фигуру. И его заметили.

Оранжевая туша развернулась лобовой броней в сторону Валерьяна. Командир не шелохнулся. Танк опустил центральный ствол, черный глаз орудия уставился на Валерьяна. Валерьян разжал пальцы, разрядник упал в траву. Нескольк минут человек и танк словно испытывали выдержку друг друга, потом медленно-медленно, осторожно-осторожно поднялась крышка люка, и высунулась голова в шлеме высокой защиты. Микрофон на шлеме поперхал и спросил тихо:

— Ты кто?

— Человек, — так же негромко ответил Валерьян.

— Ты один?

— Нет, — сказал Валерьян. — нас трое. Мы патрульные, мы должны вас остановить и задержать.

«Ягодник» выбрался из люка, сел, свесив ноги вниз, и вдруг расхохотался истерически.

— Задержайте! — всхлипывал он. — Остановите! Ты мне лучше скажи, могу я снять шлем или нет?

— Думаю, что не стоит, — ответил Валерьян.

— Ага, — успокоился почему-то «ягодник». — Не снимать, значит? Ну, тогда ты, наверное, и в самом деле человек. — Он сунулся внутрь танка, заорал: — Выходи!

Наверх вылезли еще трое — в скафандрах и шлемах, спрыгнули на траву. Астахов с Харвичем вышли на поляну.

Люди в скафандрах приблизились, осматривая патрульных, один даже пощупал Харвича, потом кто-то спросил: — А почему вы без щитков?

— Мы патрульные, — повторил Валерьян. — По договору с сольпугами патрули на Беатонте ходят с открытыми лицами.

— И мошки не едят вас? — заинтересовался один из скафандров.

— Нет, — ответил Валерьян и тут же спросил: — А где остальные?

— Там, — буркнул один из «ягодников», — во втором танке, мертвые все.

— Все? — в голосе Валерьяна прозвучала нота, заставившая Харвича подобраться. — Но у вас такая защита.

— То-то, что защита, — сказал снова тот же «ягодник», видимо, старший. — Не помогает здесь защита, толку с ней... А потом — ты же видишь, — бандит показал на все еще суетящихся на краю поляны призрачных патрульных. — Они же совсем как люди, только говорят: снимайте шлем!

мы, здесь не опасно, ну, и пока разобрались... Да еще какая-то дрянь скафандры проедает.

Валерьян помолчал немного и предложил:

— Нужно бы их вынуть из танка, посмотреть.

НА ТРАССЕ пятнадцать неподвижных тел, одетых в разные скафандры без шлемов. Валерьян долго осматривал каждого «ягодника», и Харвичу казалось, что командир выполняет какой-то обряд, необходимый здесь, на Беэтонте. Вдруг Валерьян сказал громко:

— Мне кажется, они живы.

И тогда поляна заполнилась сольпугами.

Они выходили из сельвы и вставали кругом возле лежащих на поляне «ягодников», и стояли не шевелясь, как диковатого вида изваяния. Прошло несколько мучительных минут, а потом начался спектакль, ради которого люди и сольпуги пришли в сельву.

Деревья и кусты с южной стороны поляны стали медленно раздвигаться, словно огромный, тяжелый занавес. И открылась гигантская зеленая пещера в сельве. сводами пещеры служили плотно перелутанные кроны невероятных высоких деревьев, и под этими сплетениями люди увидели кособокий, плешивый холм, увенчанный розеткой мясистых темных листьев. Из розетки торчал пушистый голубой шар.

— Эх... — прошептал, забывшись, один из «ягодников». — Чуть-чуть не дошли, чтоб се...

— Ваше счастье, что не дошли, — тихо сказал ему Валерьян.

Из толпы сольпугов неприметно выскользнул один и подошел к людям. Харвич узнал его — это был Деез-Седьмой.

— Иллюзии относительны, реальность не абсолютна, — заговорил он. — Можно внушить смерть, можно доказать необходимость жить. Внешние и внутренние вероятности связаны. Вы останетесь здесь.

«Вы останетесь здесь». Харвич представил «ягодников» и патрульных, вперемежку лежащих под розеткой анимодиды, окровавленных, распухших, и сольпугов, кружащихся в диком хороводе вокруг холма.

Деез-Седьмой резко вскинул вверх несколько педипальп, и все сольпуги на поляне повторили его движение.

— Смеются, — пробормотал Астахов. — Нашли время.

Деез затрещал:

— Смешным именуется несовпадение. То, что названо стажер Харвич, испытывает страх. Образ ошибочен. Непонимание сказанного. Остается присутствовать. Именуемые социопсихологи используют слово «карт-бланш». Понятие соответствует ситуации. Смотрите. Думайте. Понимайте.

И началось действие.

Сольпуги кружились вокруг бездыханных «ягодников», выстраиваясь в длинные цепи, стуча панцирями и педипальпами. Фаланги молчали. Но вот их бугристые, зеленые спины начали расцветиваться желтыми и белыми пятнами. Харвичу показалось, что возникла музыка — клочки мелодий витали в воздухе, и к мелодиям примешивались слова, произносимые невятным шепотом: «Мир изменится... истинность назначения... возвращение ушедших...»

Харвич тряхнул головой и сказал:

— Но все-таки они убили того, на той прогалине.

Старший «ягодник» обернулся:

— Он был главный и дал приказ давить пауков. И сразу двинул машину на них, добавил много.

— А дальше? — спросил Астахов.

— Дальше мы ничего не поняли. Ему что-то почудилось, видать. Закричал: «Вот она, хватайте!» — и выскочил из танка, какие-то на него налетели, не понять, — обезьяны, может, или жабы такие прыткие, утащили в лес, мы и танк развернуть не успели.

— Ясно, — сказал Валерьян.

Со стороны фаланг донеслось угрожающее:

— Молчите, молчите.

Разговор прервался.

Харвич потерял ощущение времени, от неподвижности кружилась голова. Потом он решил, что это — от усталости. Но взглянул на Валерьяна и понял: нет, не почув-

дилось. Харвич снова перевел взгляд на трупы. Ткани обрели живой оттенок, синева сошла, вст вздохнул один, второй, открывают глаза, садятся. Стажер усмехнулся: «Ожили, а скорее, просто не умирали».

Очнувшиеся мародеры, увидя на краю поляны людей, бросились к ним, сольпуги расступились, пропустив их. «Ягодники», окружив патруль, разрезали рты, пытались что-то сказать, но только хрип вырвался из глоток.

Сольпуги замерли, и Харвич почувствовал, как в воздухе возникло Нечто — ощущение грядущего, или предчувствие изменения. Спектакль окончился. Сельва медленно наполнила со всех сторон, укрыв анимодиду, поглощая сольпугов; и вот люди уже одни, окруженные стенами деревьев, и тропа зовет отправиться в обратный путь.

...След в след за Валерьяном тянулись оборванцы-«ягодники», среди них — четверо в скафандрах высокой защиты; и нелепое это шествие замыкали Харвич и Астахов. Тропа сузилась. Шли молча. Патрульным было не до разговоров — слезили к посту, боясь новых сюрпризов сельвы. Судя по индикаторам, до побережья оставалось не меньше пятидесяти километров, и Харвич думал, что скоро вечер, придется ночевать в сельве, а палатка у них одна, и девятнадцать мародеров не впишут под крышу, а нужно доставить их на пост в целости и сохранности, потому что, если что-нибудь случится теперь, отвечать будет Валерьян. И еще Харвич думал, что сольпуги зло подшутили над «ягодниками», соблюдая при этом условия договора, и показали свою силу, немалую силу; может быть, с их стороны это — своеобразная попытка объясниться?

Впереди забрезжил свет. Тропа врезалась в открытое пространство, и Харвич подумал, что сольпуги приготовили очередное место для привала. Но через несколько минут люди вышли на побережье, к деревне сольпугов. «Ягодники» при виде океана загомонили, сбился в кучу, а Валерьян, обойдя их, подошел к Харвичу и Астахову. Харвич взглянул на индикаторы — они вообще ничего не показывали.

— Через деревню им идти не стоит, — кивнул на «ягодников» Валерьян, обращаясь к Астахову. — Обведи их вокруг.

Астахов направился к «ягодникам», и они, выслушав его, покорно потянулись в обход деревни. Валерьян посмотрел им вслед и сказал Харвичу:

— А мы с вами — прямо.

...Валерьян не спешил пересечь деревню, шел медленно, иногда заглядывая в темные провалы входов, иногда останавливался. Харвича охватило странное чувство, чувство утраты, будто он расставался с чем-то дорогим, что-то уходило безвозвратно. «Почему? — думал Харвич. — Что это?» Внезапно Валерьян сказал:

— Пойдемте быстрее. Нас просят уйти.

«Вот оно что, — сообразил Харвич, — это сольпуги. Он прибавил шаг, и тоска ушла.

Возле домика сидели на песке «ягодники» — тихие, запуганные.

Валерьян оглядел рожи мародеров и расхохотался от души.

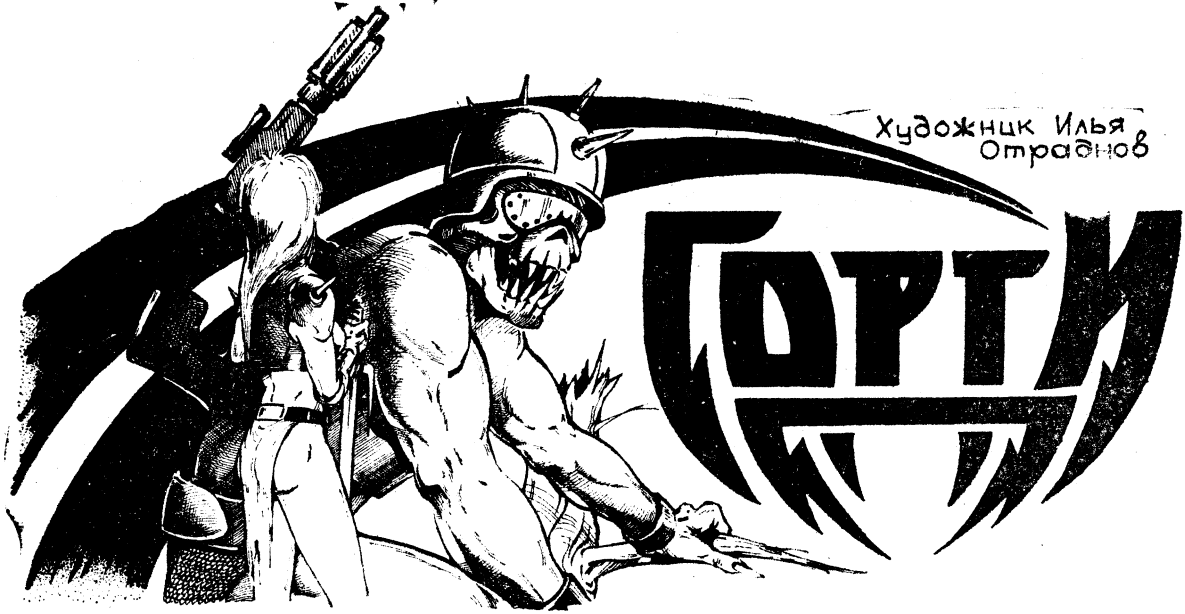
— Здорово вас напугали!

— А toi — подтвердил кто-то из оборванной толпы. — Такого натерлись, что не приведи боже.

— Ладно, — махнул рукой командир. — Ждите отправки.

...Легкие облака плыли над сельвой, закат разрисовал их, как японские веера, и нарядность окружающего мира создавала иллюзию покоя и неизменности. Песок вокруг поста сам собой разровнялся, скрыв следы пребывания мародеров, над океаном сложился прозрачный синий свет, идущий неведомо откуда. Харвич, сидя на крыльце рядом с Астаховым, думал о том, что впереди — скучные дни однообразной вахты, и ежедневная проверка костюмов, и бесконечное прослушивание отчетов, и придирки Валерьяна, требующего во всем и всегда соблюдать дух и букву инструкции. А, может быть, сольпуги придут поговорить с том, о сем?..

Художник Илья
Отрадинов

Июль 30... года. Челнок «Антракс» с группой туристов привыл на планету Деш. На этом корабле прилетел и космодесантник в отставке Фил Нортон.
*** Справка: Планета Деш-земного типа находится в созвездии Стрельца, населена гуманоидами. Радиационный и бактерицидный фон в норме.

Эй, друг, подожди! Я вижу, ты не из местных...

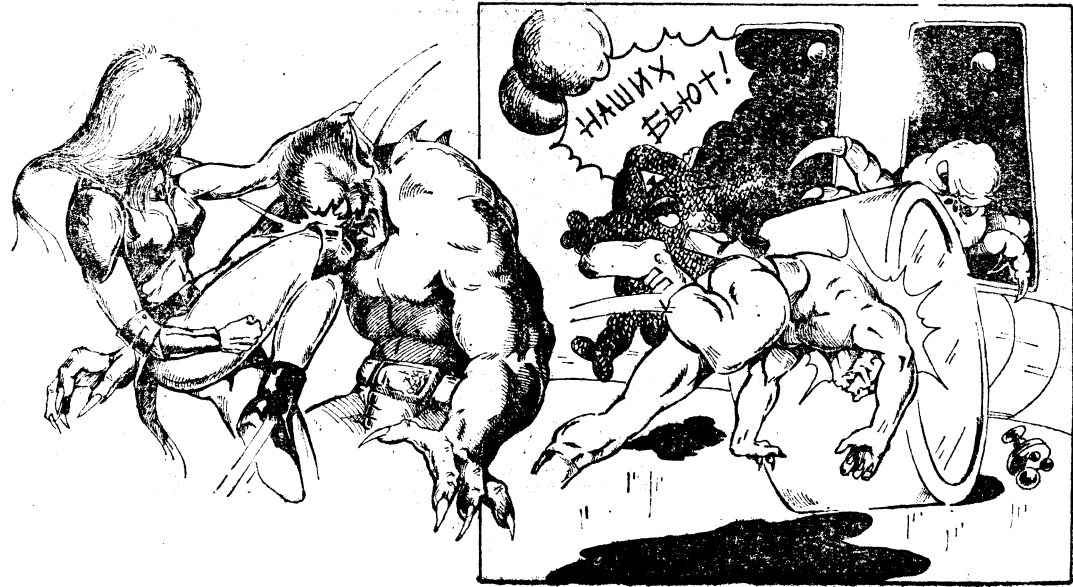
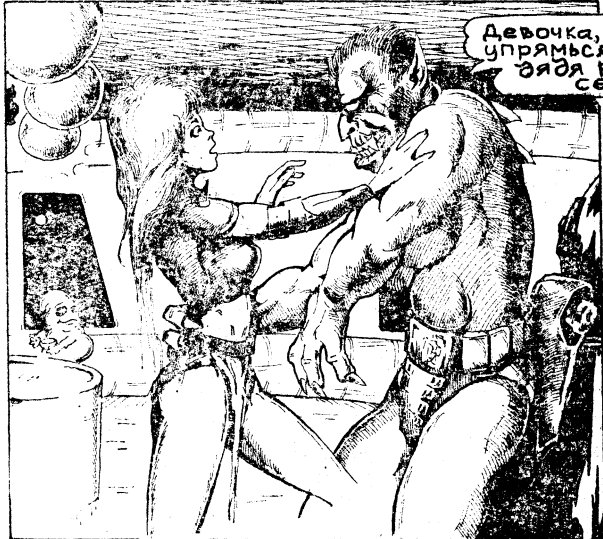
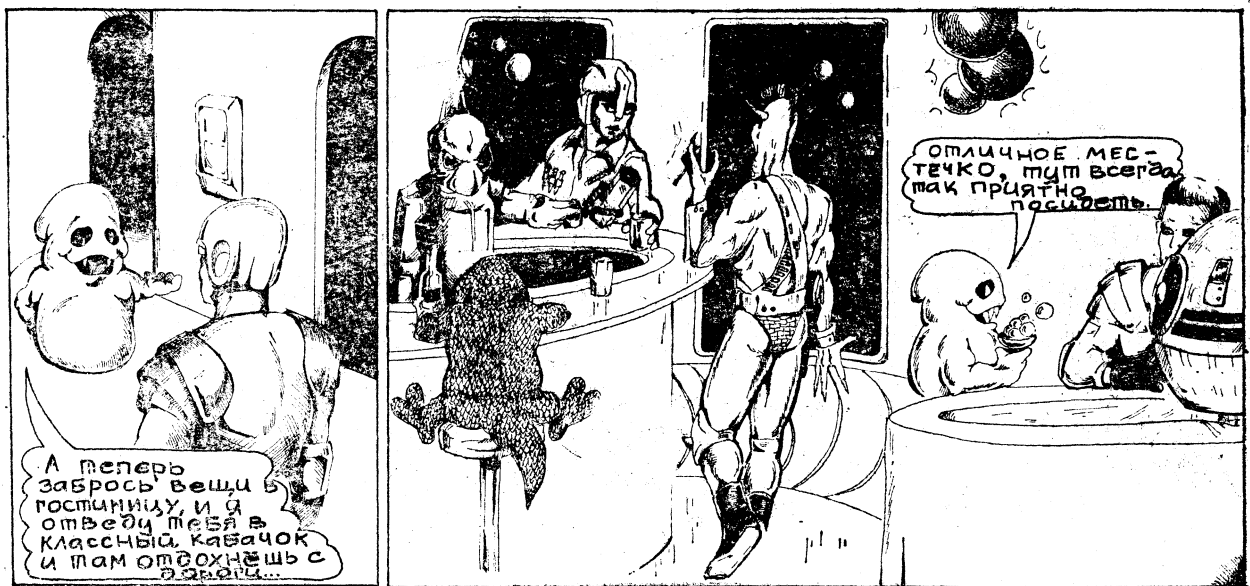

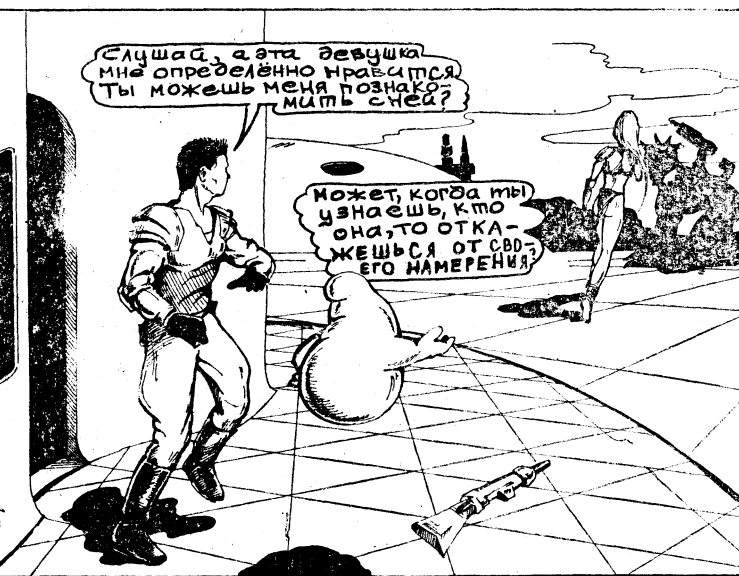
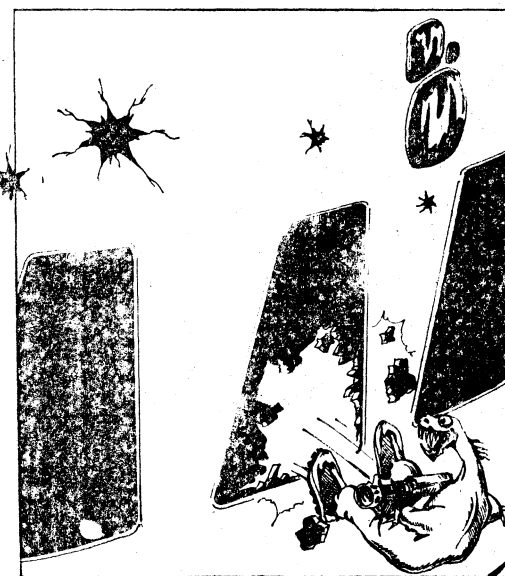
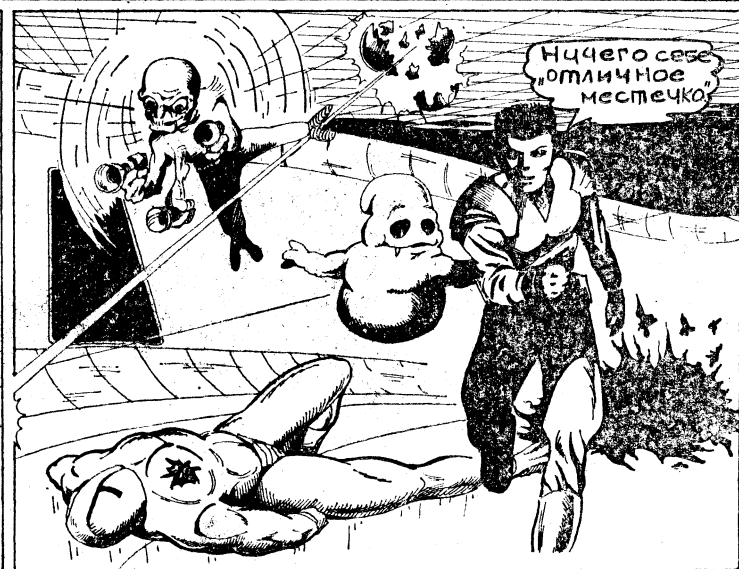
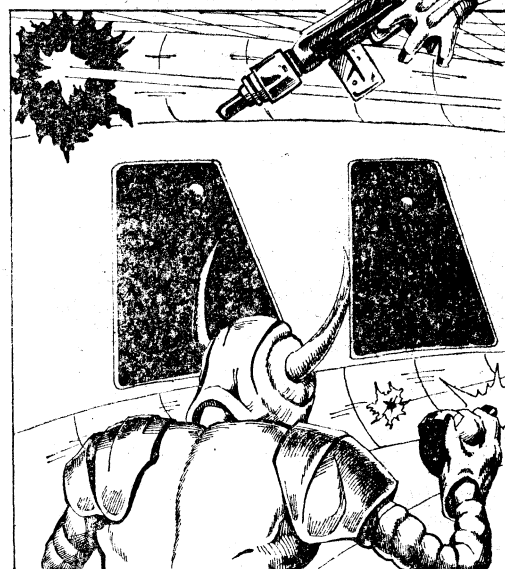
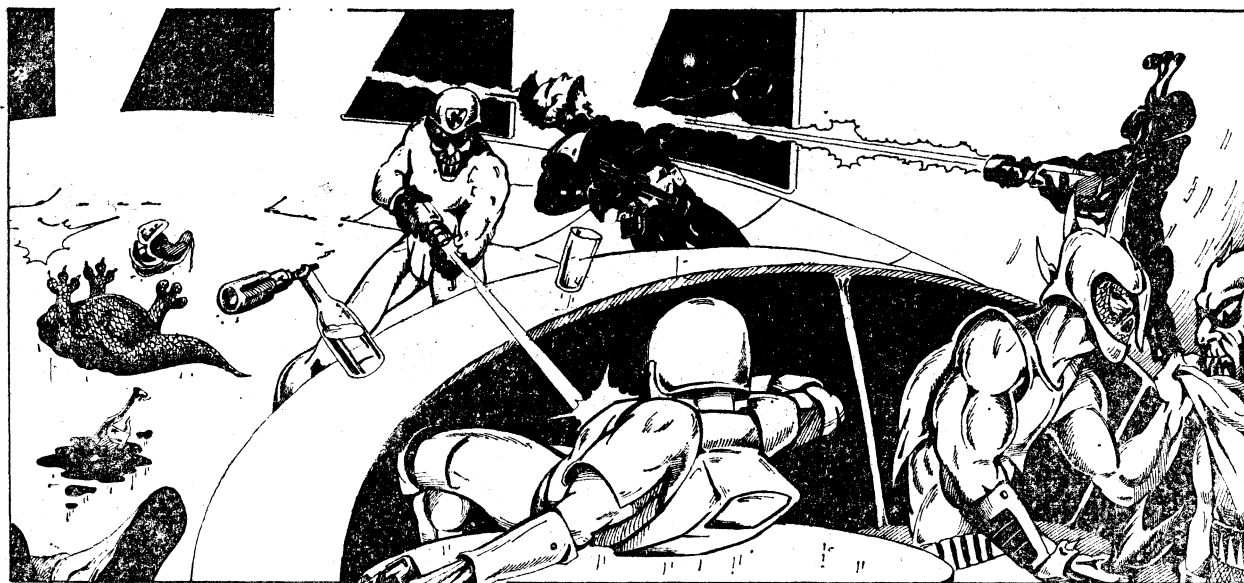
Меня зовут Фэт, я здешний гид; и если ты не хочешь умереть со скуки, таскайся со своей группой по разным развалинам, то я могу тебе помочь... Возьму совсем недорого, зато получишь массу впечатлений и отлично отдохнешь...

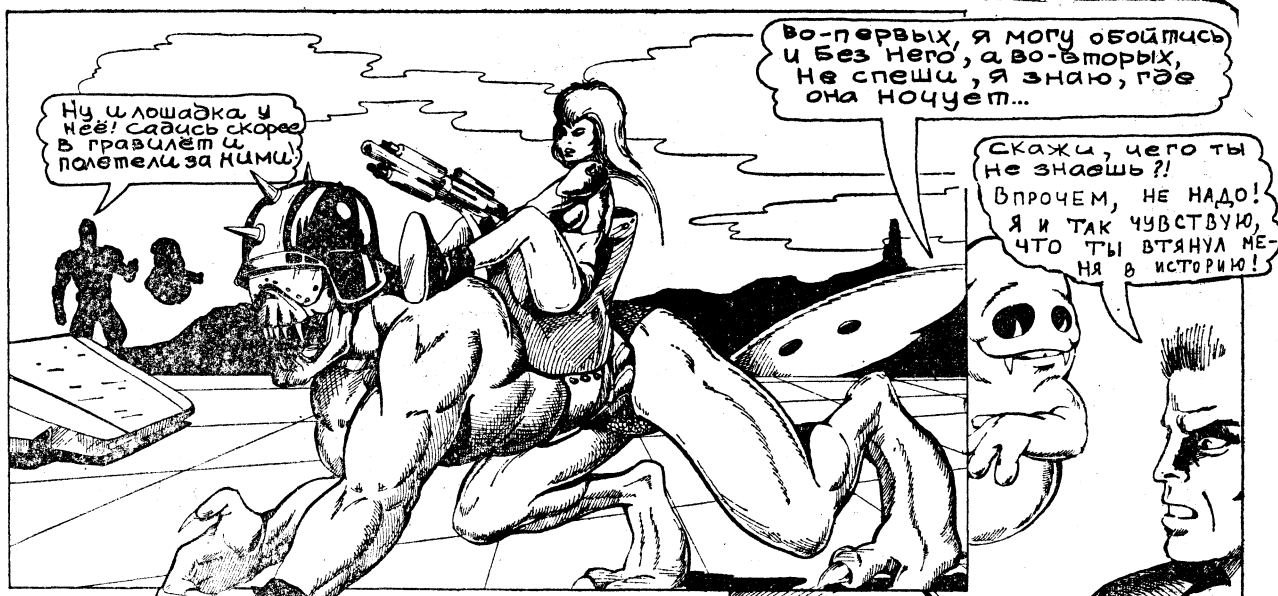
Согласен, если хоть часть из того, что ты мне тут наговорил - правда.

Ну что, по рукам!

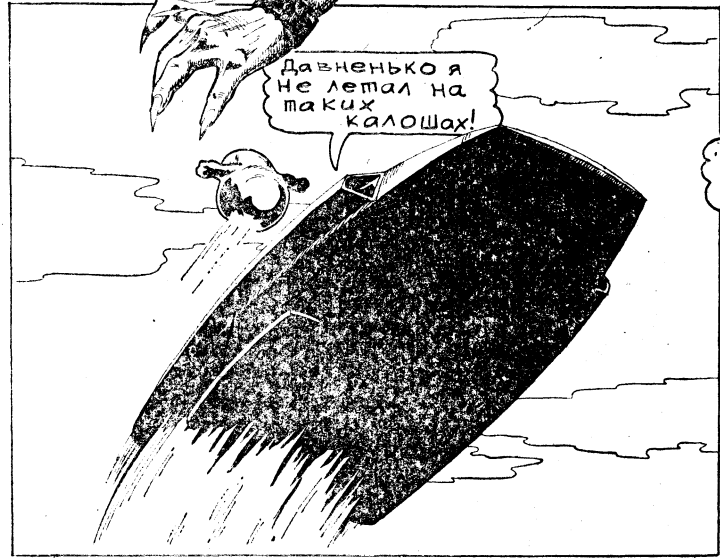

Во-первых, я могу обойтись и без него, а во-вторых, не спеши, я знаю, где она ночует...

Скажи, чего ты не знаешь?! Впрочем, не надо! Я и так чувствую, что ты втянул меня в историю!

Давненько я не летал на таких калошах!

Мы остановились на прошлом этой девушки... так вот - слушай...

Эту девчонку зовут Гея, она дочь покойного монарха Восточных Холмов (я знал его при жизни). По традиции, если в семье короля рождается девочка, она не наследует отцовский престол. Она отправляется в странствия по всей планете и должна найти своего избранника. Звание и происхождение его роли не играют. Гея странствует почти полгода,

и этим ты хотел меня напугать? Горги - скорее всего, выдумка, а если и то и есть, то нам тем более нужно было принцессой.

но так и не нашла своего избранника, видимо, сердце её ещё закрыто для любви. Но это не главное. В последнее время появились какие-то твари, которых называют горгами, и они почему-то охотятся именно за принцессами и чувствуют их за много миль. Всё чаще стали пропадать девушки, а трупы их нигде не находят. После горгов остаётся тлен и прах. В любой момент и Гею могут настичь. А если мы окажемся на пути у горгов?! Так что полетели назад, и я тебе покажу лучшее варьете планеты.

Эти твари утащили принцессу — это ужасно!

Радуйся, что мы видели горгов и остались живы!

Девушку нужно спасти, никогда не прощу себе, если ее убили, быть так близко и ничем не помочь ей! Мне тоже ее жаль, но тебе нужно оружие, вообще-то я знаю место, где его можно купить.

Правда, не представляю, как ты справишься с горгами.

Как я понял, Фэт, вам нужно несколько хлопушек? и для каких целей, позволите вас спросить?

Не твоё дело, свинг! И постарайся проверить все побыстрее — плати наличными!

Всё в этом чемодане, имеется даже лазерный разрядник... Желаю успеха в задуманном деле. Хе-хе...

Эта лягушка, наверно, решила, что мы собрались грабить банк!

Что же, придётся тряхнуть старинной...

Подожди, полетим вместе!

Раз уж я взялся сопровождать тебя, то не оставлю до конца, да и догово горгов тебе без меня не найти.

Фэт, давай стоящий парень!

Вот старый рудник, многие видели, как Горги забиралась туда с добычей, и считают, что их логово там, но никто не горит эскалатором залезть туда и проверить...

Чувствуешь, какой смрад!? Я уверен, что Горги здесь.

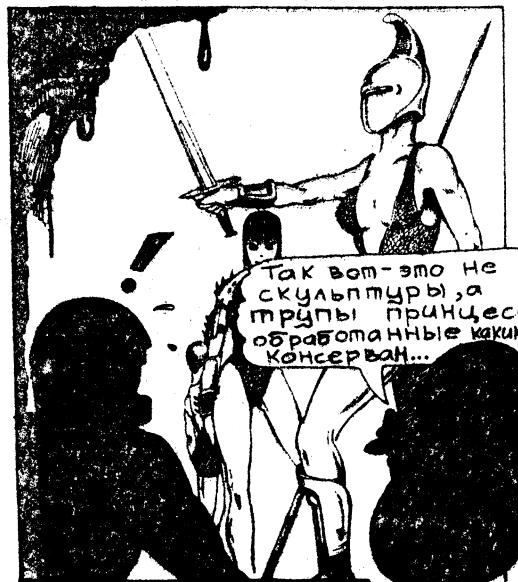

Пожалуй...

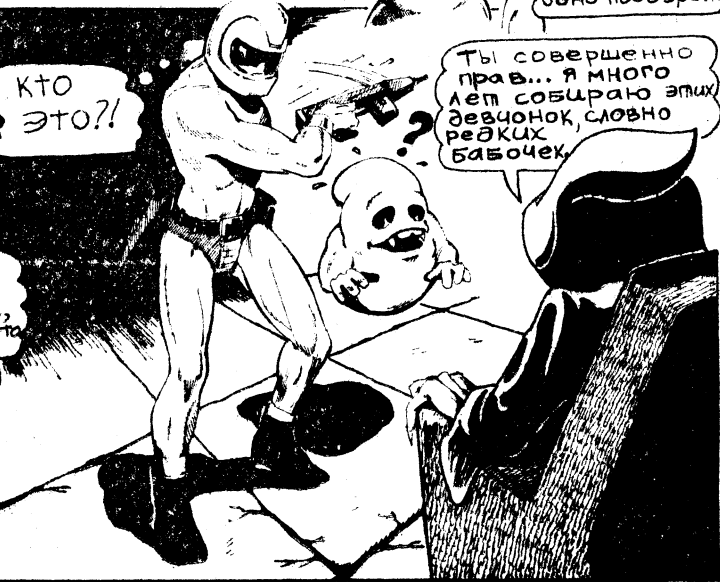

Ничего себе, да тут настоящий музей! Неужели это все Горги устроили!

Давай спустимся и посмотрим, у меня появилось одно подозрение

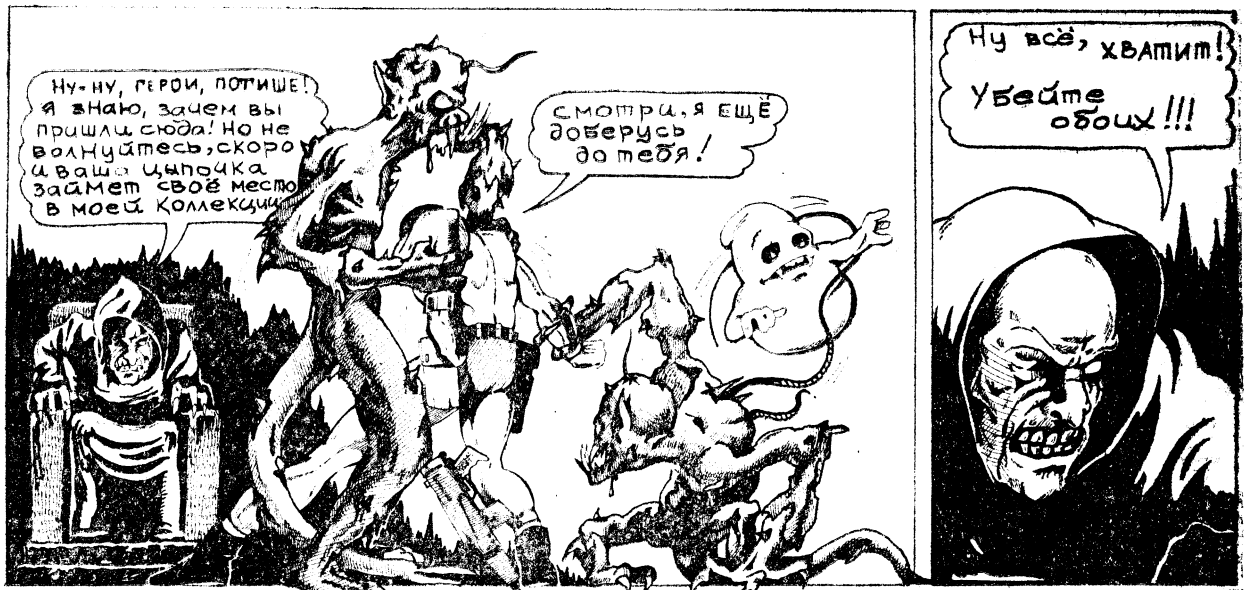

Так вот-это не скульптуры, а трупы принцесс, обработанные как-то консерван...

КТО ЭТО?!

Ты совершенно прав... Я много лет собираю этих девчонок, словно редких бабочек.

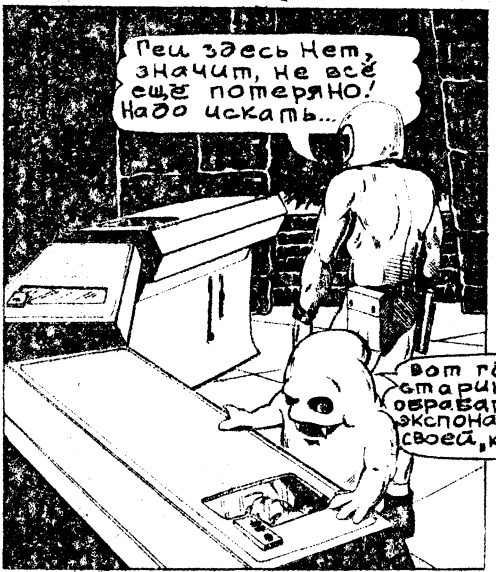

Погоди-ка, мы, кажется, наврели на место, где этот маньяк выводит своих чубюков!

Слушай, сколько можно шляться по этим казематам, меня уже тошнит от стен!

Теперь из этого гадючника не вылезет ни один горг!

Реш здесь нет, значит, не всё ещё потеряно! Надо искать...

Вот где старикан обрабатывает экспонаты для своей коллекции!

Посмотрим, что за этой дверью...

Не пугайся! Мы здесь, чтобы освободить тебя. Горги уничтожены!

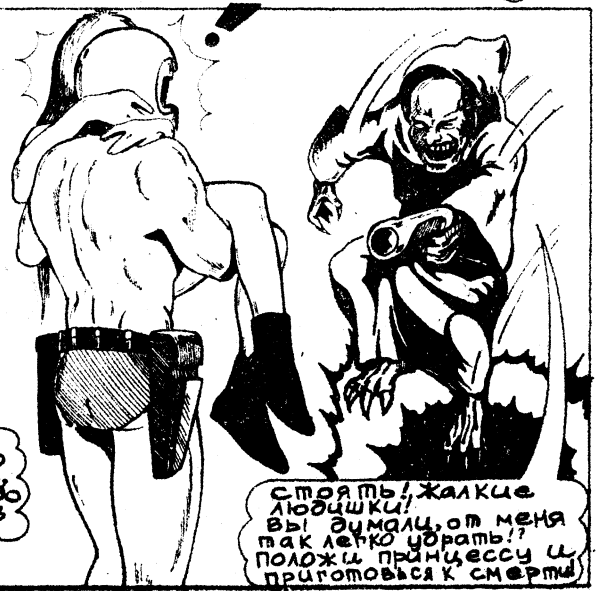
Успели! Она жива!

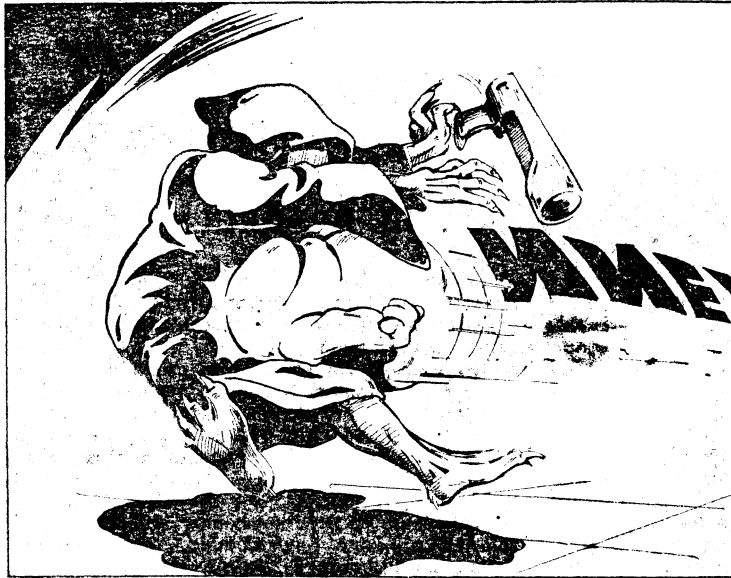
Я уже думала, что мне оспалось жить не больше суток, а тут вы...

Не надо плакать, теперь я рядом и никому тебя не отдам.

Эй, голубки, не больно-то увлекайтесь, нам ещё надо выбраться из этой дыры.

Стыть! Жалкие людишки! Вы думали, от меня так легко убраться? Положи принцессу и приготовься к смерти!

Отлично сработано, Фэт! Признаться, не ожидал от тебя такой прыти!

Ну и костей в нём, всю голову об него отбил!

Обидно, что остальным принцессам уже ничем не помочь, а пещера горгов станет для них вечным мавзолеем.

Она сказала, что останется в гостях — нище — полцарства, чих наши чувства взаимны! Я не смею поверить, что это так... Я влюбился, как мальчишка!

Насколько я помню, скоро принцессе нужно будет назвать Гая Нортон. Если бы отец Гая был жив, то он бы одобрил её выбор. Ну, пока, не буду вам мешать.

Гей, ты необыкновенная девушка. Как только я тебя увидел, то понял — ты моя судьба... Завтра оплачет камеру на Землю и...

Я всё поняла. Конечно же я лечу с тобой... мой принц.

Прощай и извини, что я не выполнил своего обещания, и вместо отдыха тебе пришлось riskовать жизнью.

Ну что ты, Фэт, какие извинения! Ведь благодаря тебе я нашла своё счастье! Кстати, будешь на Земле, залетай в гости.

FIN

СТОЛБ ОГНЯ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ОН вышел из земли ненавией. Ненависть была ему отцом, ненависть была ему матерью. Как хорошо снова ходить! Как хорошо, выйдя из земли, подняться, расправить затекшие руки и попробовать глубоко вдохнуть воздух. Он попробовал и вскрикнул.

Он не мог дышать. Ходил по земле, вышел из земли, но был мертв и не мог дышать. Он мог набрать воздуха в рот и пропихнуть его в горло слабыми движениями атрофированных мышц — яростно, неистово! И этой частицей воздуха мог он кричать и вопить! Хотел заплакать, но слезы тоже не желали течь. Он ни-его не помнил. Он знал только, что стоит выпрямившись, но он мертв и не должен стоять. Он не дышал и все-таки стоял.

Со всех сторон его окружали запахи, запахи осени, но он напрасно старался уловить их. Он видел — осень дочиства выжгла землю. Повсюду вокруг лежали руины лета; огромные леса цвели о-нем, который валил все новые деревья на уже лежащие голые стволы. Дым пожара был густой, голубой и невидимый.

Он стоял на кладбище ненавией. Ходил по земле и все же не чувствовал ни ее вкуса, ни запаха. Слышал ли он? Да. Ветер снова свистел в ушах. Но он был мертв и знал, что не должен ждать слишком многого ни от себя, ни от ненавистного живущего мира.

Он коснулся плиты на своей пустой могиле. Это была добрая работа. Теперь он снова знал, как его зовут.

УИЛЬЯМ ЛАНТРИ

Так было написано на надгробье.

Пальцы его дрожали на холодной поверхности камня.

1878—1933

Рожденный вновь?..

В каком году? Он поднял голову, всмотрелся в небо и узнал звезды, осенние звезды, медленно плывущие сквозь ветреную темноту, узнал и прочел по ним столетие. Так. Орион и Аурига здесь. А где Таврас? Там!

И губы его произнесли гсд, медленно, цифра за цифрой: — 2349.

Странное число. Как сумма в школе. Когда-то говорили, что человек не может представить себе числа, превышающего сотню. Все они кажутся ему такой дьявольской абстракцией, что счет не имеет смысла. И он — человек, который лежал в своем ненавистном гробу и ненавидел за то, что был похоронен; ненавидел людей, живущих над ним, живущих без конца, ненавидел их все эти века, а теперь, рожденный из ненависти, стоял перед своей только что раскопанной могилкой — и не мог представить себе этого числа, 2349. Быть может, в воздухе носился запах свежей земли, но он его не чувствовал.

— Я — анахронизм, — сказал он, обращаясь к тополям, качающимся под ветром, и смехнулся.

Он осмотрел пустое и холодное пространство. Все надгробия были вырваны и, как плоские кирпичи, уложены одно на другое в дальнем углу бывшего кладбища, у ограды из кованого железа. Работа эта длилась две бесконечные недели. В своем глубоко закопанном гробу он слышал скрежет и гром безжалостной яростной деятельности людей, которые ковыряли землю холодными лопатами, выворачивали гробы и забирали с собой высохшие тела. Извиваясь от страха, он ждал, когда придут за ним.

Сегодня они добрались до его гроба, но было уже поздно. От крышки их отделяли всего несколько дюймов земли, и тут зазвенел звонок. Время прекращать работу и идти домой на ужин. Рабочие ушли, сказав, что завтра они все закончат.

На пустом кладбище воцарилась тишина.

Медленно, осторожно, с тихим шелестом комьев земли, поднялась крышка гроба.

И теперь Уильям Лантри дрожа встал посреди кладбища. И внезапно он вспомнил. Внезапно вспомнил и почул. Все и сразу. Он стоял на последнем кладбище Земли. На самом последнем на всей планете. И не от того ли переполнявшая все существо ненависть возродила его, подняла его из гроба, его, Уильяма Лантри!

— Помнишь? — спросил он сам себя, глядя на свежую землю. — Помнишь те истории о последнем человеке на земле? О людях, одиноко блуждающих среди руин? Это ты, Уильям Лантри, приводишь на память эти истории. Ты гонишь? Ты последний мертвый человек на всем Божьем свете!

Больше мертвых уже нет. Нигде, ни в одной стране нет ни одного мертвеца. Невозможно, скажете вы? Еще как возможно в этом глупом, стерильном, лишенном воображения мире антисептической суперчистоты! Мой Бог, люди, конечно, умирают. Но мертвые? Трупы? Не существуют?

Что происходит с умершими?

Кладбище располагалось на холме. Уильям Лантри шел в темноте душной ночи, пока не добрался до края кладбища, и взглянул на лежащий внизу город — новый Салем. Город был залит сном. Ракетные корабли бороздили небо над ним, двигаясь к самым отдаленным точкам Земли.

Новый вид насилия этого мира добрался до его могилы и пропитал Уильяма Лантри. Он заливал его годами, и теперь Лантри знал действительно все — сознанием мертвого человека, который ненавидит.

Но самое главное, что эти убийцы делают с умершими?

Он поднял голову. В центре города высился массивный каменный палец, целящий в звезды. Он был высотой в семьсот и шириной в добрые сорок футов.

«Скажем, в городе умирает человек, — подумал он. — И через минуту будет мертв. Что тогда происходит? Едва замрет его пульс, немедленно готовится свидетельство о смерти, родственники грузят тело в автомобиль-жук и поспешно везут...»

Крематорий!

Да! Это тот палец, тот столб огня, стреляющий в звезды. Крематорий. Суперфункциональное, чудовищное создание. Но таково уж реальность в этом мире будущего!

Мистера Мертвеца швыряют в печь, как полено.

Фьють!

Уильям Лантри смотрел на конец гигантской трубы, нацеленной в звезды. Из жерла поднималась струйка дыма.

Именно туда направляли умерших.

— Будь осторожен, Уильям Лантри, — буркнул он себе под нос. — Ты редкий экземпляр. Все кладбища на Земле взлетели в воздух, это последнее кладбище, а ты — последний мертвый человек минувших веков!

Лантри посмотрел на город. «Хорошо, — подумал он спокойно. — Я ненавижу вас, и вы меня ненавидите, точнее, ненавидели бы, знай вы о моем существовании. Но вы не верите в такие вещи, как вампиры или духи. Вы кричите, что это названия без предметов, вы смеетесь над ними. Хорошо, смейтесь! Откровенно говоря, я тоже в вас не верю! Я не люблю вас! Вас и эти ваши крематории. Даже то, что нельзя использовать, вы пустили в дело! Все пошло в ход! Даже мертвецы!»

Он задрожал. Да, не хватило совсем немного. День за днем они вытаскивали из земли мертвецов и жгли их. По всему миру были провозглашен декрет. Он слышал разговор двух работников,

— По-моему, это добрая мысль, навести порядок с кладбищами, — сказал один из них.

— Ну, ясно, — подхватил другой. — Отвратительный обычай. Подумать только, быть закопанным! Как противно! И эти черви!

— Просто стыдно. Хотя было бы романтично оставить нетронутым одно это кладбище. Со всеми остальными ведь давно расправились. В каком году это было, Билл?

— Кажется, в 2260. Да, это было в 2260, почти сто лет назад, Джим. Члены какого-то комитета в Салем почувствовали себя важными персонами и сказали: «Слушайте, оставим одно кладбище, как напоминание об обычаях варваров». А правительство почесало в голове и сказала: «Хорошо. Пусть это будет Салем. Но со всеми другими кладбищами покончить, понимаете, со всеми!»

— И с ними покончили, — сказал Джим.

— Ясно, с ними разделились огнем, экскаваторами и нейтронными пылесосами. Если кто-то был похоронен на кладбище и об этом знали, то разделялись и с ним. Очистили все, ох, очистили! Знаешь, это немного жестоко.

— Я не хотел бы показаться косным, но столько туристов приезжало сюда каждый год, чтобы только посмотреть, как выглядит настоящее кладбище.

— Точно. За последние три года их было почти миллион. Город неплохо заработал на этом. Но указ есть указ. Правительство требует «покончить с грязью», вот мы и трудимся. Ну, начнем. Подай лопату, Джим.

Уильям Лантри стоял на пригорке под порывами осеннего ветра. Как хорошо снова ходить, чувствовать ветер и слышать шелест листьев. Как хорошо видеть холодные звезды, которые почти задувает ветер.

Хорошо даже чувствовать страх.

А страх все усиливался, и он не мог отогнать его от себя. Сам факт, что он существовал, стоял, ходил — делал его ерлом. И на всем белом свете не было друга, второго мертвого человека, к которому можно было бы обратиться за помощью. Весь этот мелодраматический мир живых был против одного Уильяма Лантри. Весь этот свет был против человека в истлевшем черном костюме, стоящего на темном осеннем холме. Он вытянул свои бледные, холодные руки к огням города. «Вы позывали надгробья, как зубы, — подумал он. — А я найду способ развалить ваши крематории!»

— Война объявлена, — сказал он и рассмеялся. Это довольно необычно, когда один человек объявляет войну всему мирозданию.

Мироздание на это не прореагировало. Таща за собой хвост огня, шустрая ракета по-хозяйски чиркнула по небу; она была похожа на улетающий крематорий.

ЛАНТРИ услышал шаги и вздрогнул. Неужели возвращаются рабочие? Нет, просто прохожий. Какой-то мужчина.

Когда человек приблизился к воротам кладбища, Лантри быстро вышел навстречу.

— Добрый вечер, — сказал мужчина, улыбаясь.

Лантри ударил его в лицо, и мужчина упал. Лантри спокойно наклонился и ребром ладони — сверху, по шее, давним, испытанным приемом — добил упавшего.

Затавив тело в тень, он раздел мертвого и поменялся с ним одеждой. Старомодный костюм двадцатого века не подходил для человека, разгуливающего по этому миру будущего. В плаще мужчины он нашел перочинный нож. Не слишком велик, но вполне подойдет, если уметь им пользоваться. А он умел. Он силен, он умеет многое.

Затем Лантри подтащил тело к одной из уже отрытых и выпотрошенных могил и присыпал землей. Маловероятно, чтобы его нашли. Не будут же они раскапывать одну и ту же могилу дважды.

Он поправил на себе новый свободный костюм. Прекрасно, просто прекрасно.

Уильям Лантри направился к городу, чтобы дать бой Земле.

Крематорий был открыт. Он вообще никогда не закрывался. К нему вела широкая, слабо освещенная аллея, возле нее располагалась посадочная площадка для вертолетов. Город засыпал после очередного рабочего дня. Если огни, и скоро единственным освещенным местом остался крематорий. О, Боже! Что за практичное и неромантическое наз-

вание!

Уильям Лантри вошел в широкий освещенный холл. Это был настоящий вход — без дверей, которые нужно открывать и закрывать. Люди могли свободно входить и выходить, а внутри — зимой и летом — было тепло. Тепло от огня, улетающего в трубу, через которую роторы, винты и насосы выбрасывали серый пепел на многомильную прогулку по небу.

Это было тепло пекарни. Хорошо отлаженной пекарни. Стены крематория были облицованы пенопластом и мягкой резиной, чтобы никто не мог нащупать, даже если бы захотел. Откуда-то доносилась музыка. Однако не музыка смерти, а музыка жизни — живущего в крематории солнца или, во всяком случае, его ближайшего родственника — пламени, и это позволило легче перенести присутствие топки, бушующей за толстой кирпичной стеной.

Уильям Лантри шел по платформе и, услышав за спиной шум, оглянулся. Какой-то автомобиль-жук остановился возле платформы. Зазвенел звонок. Слобно по сигналу музыка достигла экзотически высокой ноты. Теперь в ней звучала радость.

Из жука, открывшегося сзади, вышли люди, неся золотой ящик, длиной фугов пять, покрытый символами солнца. За первым к платформе подъехал второй жук. Люди, вышедшие из него, как видно, были близкими родственниками покойного, потому что они, не прикасаясь к ящику и держась на некотором удалении от него, как было принято и во времена Лантри, шли следом за теми, кто нес ящик. Все прибывшие по пологой лестнице поднялись на платформу и подошли к невысокому возвышению, — алтарю, подумал Лантри. Сбоку на алтаре он прочел надпись: «ИЗ СОЛНЦА ТЫ БЫШЕЛ И В СОЛНЦЕ ВЕРНЕШЬСЯ». Ящик поставили на алтарь, музыка вдруг заиграла в высоких регистрах; кто-то, похоже на начальник крематория, сказал несколько слов, а потом служащие взяли золотой ящик, подошли к прозрачной стене и открыли такой же прозрачный люк. Ящик сунули в образующийся проем. Через минуту открылись внутренние двери, и ящик скользнул в них.

Служащие ушли вверх по платформе. Присутствовавшие при кремации расселись в два жука и уехали. Музыка стала умолкать.

Уильям Лантри подошел к люку и заглянул в огромное, сверкающее сердце крематория, которое равномерно пылало, тихонько подпевая себе. Огня было так много, что он походил на золотистую реку, затопляющую весь мир, как во времена Ноя. Все, вся грязь смерти, разложения, весь смрад, все, все, что оказывалось в этой реке, исчезало в ней навсегда. И оставались лишь «чистые», не знающие этой грязи, презирающие ее, как нечто не свойственное своей чистоте!

Лантри снова почувствовал ненависть к страшной машине, к чудовищу очищающего огня.

Лантри не заметил, как рядом с ним остановился какой-то человек.

— Чем могу быть полезен?

— Что? — Лантри резко повернулся. — Что вы сказали?

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Я... то есть... — Лантри бросил взгляд на платформу и вход. Руки у него тряслись. — Я никогда здесь не был. Никогда? — удивился человек.

Лантри понял, что совершил ошибку, но было уже поздно.

— Ну, не совсем так, — сказал он. — Просто, будучи ребенком, человек не обращает внимания на такие вещи. Сегодня вечером я вдруг понял, что, собственно говоря, не знаю крематория.

Мужчина усмехнулся.

— Ничего заранее не известно, правда? Я с удовольствием привожу вас. Я работаю здесь.

— О, нет, не беспокойтесь. Это... это чудесное место.

— Да, действительно, — с гордостью ответил служащий крематория. — По-моему, это одно из прекраснейших мест на свете.

Лантри решил, что должен объясниться яснее.

— Немногие из моих родственников умерли с того времени, когда я был ребенком. Собственно, ни один. Поэтому я и не был здесь так долго.

— Ага! — лицо человека как будто слегка потемнело.

«А в чем дело теперь? — подумал Лантри. — В чем моя ошибка? Нет, тут держи ухо востро, — если я не буду осторожен, то быстро попаду в огненную ловушку. Но не слишком ли этот тип интересуются мной?»

— Вы случайно не один из тех, что недавно вернулись с Марса? — спросил служащий.

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Глупости, — служащий собрался выйти. — Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь прямо ко мне.

— Только одно, — сказал Лантри.

— Что же?

— А вот что! — И Лантри нанес ему оглушительный удар в шею.

Профессиональным взглядом он посмотрел на упавшего к его ногам человека, потом, взяв руками дрожащее как ступень — еще теплое — тело, ударил ногой по рычагу и отворил люк. Музыка заиграла громче. Внутренние дверцы толки раскрылись, и тело пропало в рычащем огненном водовороте. Музыка притихла.

— Чистая работа, Лантри, чистая работа.

МИНУТОЙ позже в зал вошел другой служащий. Он застал Лантри, стоявшего с выражением приятного возбуждения на лице. Служащий огляделся, как будто кого-то искал, и двинулся к Лантри.

— Чем могу быть полезен?

— Я просто стою и смотрю.

— Уже поздно, — сказал служащий.

— Я не мог уснуть.

И снова не ответ. В этом мире спали все. И никто не страдал бессонницей. А если вдруг начинал страдать, тотчас включал гипнолизер — и через шестьдесят секунд человек уже спал. Лантри был буквально набит неподходящими ответами. Он совершил ошибку, сказав, что никогда не был в крематории. А ведь знал, что всех детей, начиная с четырехлетнего возраста, ежегодно привозят сюда на экскурсию, чтобы привить им идею крематория и чистой смерти в огне. Смерть — это яркий огонь, тепло и солнце, а не вечный мрак, холод и червь. Важнейший элемент их воспитания! Он все прекрасно знал, но забыл и, как полный идиот, выдал свое невежество!

И еще одно — эта ужасная бледность! Он посмотрел на свои руки и с ужасом понял, что бледных людей нет на свете. Его бледность подозрительна, и поэтому первый же человек спросил, не один ли он из тех, что вернулись с Марса. Ну и этот второй, чистый, сияющий, пышущий здоровьем и энергией. Лантри спрятал бледные руки в карманы, решив не обращать внимания на изучающие взгляды, которые служащий бросал на него лицо.

— То есть, — сказал Лантри, — я не хотел спать. Мне хотелось подумать.

— Недавно был обряд? — спросил служащий, оглядываясь по сторонам.

— Не знаю, я только что вошел.

— Мне показалось, что шлюз открылся и закрылся.

— Не знаю, — сказал Лантри.

Служащий нажал какую-то кнопку.

— Андерсон?

— Слушаю.

— Поищи Саула, хорошо?

— Я позвоню в подсобку, — и после паузы: — Там его нет.

— Спасибо, — собеседник Лантри был явно заинтригован.

Вдруг он начал принохиваться, как будто хотел уловить какой-то запах.

— Вы... вы ничего не чувствуете?

— Нет. А что?

— Что-то в воздухе, Бог знает...

Лантри стиснул в кармане рукоятку ножа.

— Помню, когда я был ребенком, — сказал мужчина, — мы нашли в поле мертвую корову. Она лежала два дня под жарким солнцем. Тот же самый запах. Интересно, откуда он здесь?

— Я знаю откуда, — спокойно сказал Лантри и вынул руку из кармана. — Отсюда.

— Чтоооо!?

— Это я так пахну.

— Вы?

— Я мертва уже несколько сотен лет.

— Странные у вас шуточки, — сказал мужчина.

— Очень странные. — Лантри достал нож. — Вы знаете, что это?

— Перочинный нож.

— А вы пробуете еще ножи на людях?

— Что вы хотите сказать?

— Ну, вы их убиваете с помощью ножей, револьверов или яда?

— Нет, у вас в самом деле странные шуточки, — мужчина растерянно улыбнулся.

— Я хочу вас убить, — сказал Лантри.

— Никто никого не убивает... уже триста лет.

— Никто больше этого не делает, но раньше делали.

— Знаю.

— Значит, это будет первое убийство за триста лет. Я только что убил вашего коллегу и сунул его в печь.

Слова Лантри настолько парализовали мужчину, что он позволил приблизиться этому странному человеку к себе и дернулся лишь тогда, когда заметил приставленный к груди нож.

— Я убью вас.

— Это глупо, — сказал одеревеневшим голосом мужчина.

— Этого не делают. И потом... Это очень сложно...

— Нет, это просто. Смотрите!

Нож вонзился в грудную клетку мужчины. Тот некоторое время смотрел вытаращенными глазами прямо перед собой, а затем стал падать. Лантри поддержал падающее тело.

ТРУБА в Салем взорвалась в шесть утра. Огненный исполн разлетелся на десять тысяч кусков, засыпая землю, небо и дома, полные спящих людей, градом раскаленного камня, огнем и пеплом. Стоял страшный грохот. — и огонь, огонь, такой сильный, сильнее того, что осень зажгла на пригородных холмахazole последнего кладбища Земли.

В момент взрыва Лантри находился в милях пяти от крематория. И видел большую, расширяющуюся кремацию города. Он покивал головой, захохотал, довольный, захолопал в ладоши.

Все шло легко. Идешь и убиваешь людей, которые не верят в убийство, которые слышали о нем, как о туманном, давно исчезнувшем зарварском обычае. Входишь в центр управления крематорием и спрашиваешь, как его обслуживать, а оператор все тебе объясняет, ибо в этом мире будущего все говорят правду; никто не лжет, потому что нет причин для лжи: попросту не существует опасностей, которых можно избежать, обманывая.

Невероятно удачная ситуация. Оператор просто сказал ему, как действует крематорий, какие регуляторы управляют огнем и какие рычаги нужно передвинуть. Лантри с удовольствием побеседовал с ним. Спокойный, свободный мир, в котором люди верят друг другу. Минутой позже Лантри вонзил нож в сердце оператора, установил регуляторы давления на максимум с полчасовым замедлением и, насвистывая, покинул крематорий.

Теперь все небо закрывала огромная черная туча от взрыва.

— Это только начало, — сказал Лантри, глядя в небо. — Я уничтожу их всех, прежде чем кто-либо начнет подозревать, что я существую. Боже мой, я могу убить сотни тысяч, прежде чем они поймут, что в мире вновь появился убийца. Каждый раз я могу делать это так, что все будет выглядеть, как несчастный случай. Мысль такая великолепная, что просто не верится!

Огонь жег город, а Лантри до утра сидел под деревом. Потом он нашел среди холмов какую-то пещеру и забрался в нее, — выспаться. Он был мертв, но чувствовал усталость и хотел спать.

На закате его разбудил сон об огне. Ему снилось, что он втолкнут в крематорий, где пламя разрывает его на кусочки и где он сгорает без остатка. Он сел, протер глаза и улыбнулся сам себе. В голову ему пришла одна мысль.

Лантри углубился в лес, шел все утро и весь день и к вечеру был в городе Кайд. В первой попавшейся телефонной будке он по справочнику набрал номер станции.

— Пожалуйста, с полицией, — попросил он.

— Как? — переспросила телефонистка.

— С Силами Порядка, — поправился он.

— Я соединяю вас с Секцией Дел Мира, — ответила она наконец.

Лантри почувствовал легкое покалывание в груди. Допустим, телефонистка сочла слово «полиция» за анахронизм, записала номер будки, из которой звонили, и вышлет кого-нибудь проверить. Нет, нет, она не могла этого сделать. Почему она должна подозревать?

— Хорошо, с Секцией Дел Мира, — сказал он.
Сигнал. Потом мужской голос:
— Секция Дел Мира, у телефона Стефенс.
— Пожалуйста, с отделом убийств, — сказал Лантри, улыбаясь.

— С чем?
— Кто расследует убийства?
— Простите, о чем вы говорите?
— Ошибка, — Лантри, посмеиваясь в кулак, повесил трубку. — У них нет отдела убийств. А раз нет, значит, не нужны следователи!

Телефон зазвонил. Лантри поколебался и снял трубку.
— Скажите, — произнес голос Стефенса, — кто вы такой?
— Человек, который звонил, только что вышел, — сказал Лантри и нажал на рычаг.

Он сбегал. Если они узнают его по голосу, то, наверное, захотят разобраться, почему он солгал. Ведь люди сейчас не лгут. Нужно быть очень внимательным, сказал себе Лантри. — Ты так мало знаешь об этом странном, ученом, правдивом, высокоморальном мире. Ты бледен — тебя подозревают, теряешься — ты подозреваем. Не моешься и воняешь, как... дохлая корова, — подозреваем вдвойне. Все выдает тебя.

Нужно идти в библиотеку, но это тоже опасно. Как теперь выглядят библиотеки? А может, люди держат книги дома и больше публичные библиотеки не нужны?

И все же он решил рискнуть. Его речь вызывает подозрение, но теперь самое важное — узнать как можно больше. Он остановил какого-то человека.

— Как пройти в библиотеку?

Человек не был удивлен.

— Вторая улица на восток и первый переулок на север.

— Спасибо.

Как все просто.

Через несколько минут он уже входил в библиотеку.

— Чем могу служить?

Он взглянул на библиотечаршу, молоденькую девушку с высокой прической. «Чем могу служить?», «Чем могу служить?» Что за услужливые люди!

— Я хотел бы Эдгар Аллана По.

Он внимательно подбирал слова, не сказал «прочитать» (как в случае с телефоном не сказал «соедините»), боясь, что книжек уже нет и книгопечатание — вещь давно забытая. Быть может, книги — не что иное, как трехмерные фильмы с текстом и пояснительными картинками? Но как, черт побери, пояснить таким образом Платона, Шопенгауэра, Ницше или Фрейда?

— Повторите фамилию еще раз.

— Эдгар Аллан По.

— Такого автора нет в каталоге.

— Очень вас прошу, проверьте, пожалуйста.

Девушка проверила.

— Ах, да. На карточке стоит красный кружок. Это один из авторов периода Великого Сожжения в 2265 году.

— Как я мог не знать!

— Пустяки, — сказала она. — Вы много о нем слышали?

— У него были довольно интересные, варварские взгляды на смерть, — ответил Лантри.

— Ужасно, — проговорила она, морща нос. — Чудовищно.

— Да. Чудовищно. Точнее, отвратительно. Хорошо, что его сожгли. А может, у вас есть что-нибудь Лавкрафта?

— Это о сексе?

Лантри рассмеялся.

— Нет, что вы.

Девушка просмотрела карточки каталога.

— Его тоже сожгли. Вместе с По.

— Полагаю, то же случилось с Машеном, Дерлетом и бирсом?

— Да. — Она закрыла шкафчик с каталогом. — Всех сожгли. И слава Богу.

Девушка посмотрела на него с интересом.

— Держу пари, вы только что вернулись с Марса?

— Почему вы так думаете?

— Вчера здесь был другой человек. Он вернулся с Марса и интересовался литературой о сверхъестественных явлениях. Оказывается, на Марсе есть могилы!

— А что такое «могилы»? — Лантри учился держать язык за зубами.

— Знаете, это что-то такое, в чем когда-то хоронили людей.

— Что за кошмарный обман!

— Правда? Так вот, марсианские могилы очень заинтересовали этого молодого ученого. Он тоже называл разных сожженных авторов, спрашивал какие-то книги и долго удивлялся, зачем нужно было уничтожить их.

Глаза Лантри вспыхнули. Неужели единомышленник? Однако девушка, сама того не ведая, почти сразу же разочаровала его.

— Он сказал, такие книги имеют огромный исторический интерес. Их стоило держать подальше от читателя, а сжигать было непрактично.

Библиотечарша подняла глаза, и Лантри показалось, что она отпрянула, заметив мервенно-бледный цвет кожи на его лице.

— Вы один из тех людей с Марса, правда? — с трудом спросила она.

— Да, — сказал он. — Я вернулся несколько дней назад.

— Того молодого человека звали Бюрк.

— Конечно, Бюрк! Мой хороший знакомый!

— Простите, что не могла вам помочь, — девушка смущалась. — И знаете... Лучше всего вам принять немного витаминов и позагорать под кварцевой лампой. Вы ужасно выцветаете, мистер...

— Лантри. Я последую вашему совету. Спасибо большое. Всего хорошего, — и он ушел.

Ох, как отвратительно удерживал он равновесие в этом мире! Как таинственный, бесшумно вращающийся гироскоп. Идя по улице в восемь вечера, он с интересом заметил, что вокруг не так-то много света. На каждом углу фонари, но сами дома освещены слабо. Может, эти необыкновенные люди не боятся темноты? Вздор! Ее бояться эс! Даже он боялся, когда был ребенком. Это так же нормально, как есть или пить.

Какой-то маленький мальчик бежал по улице, а за ним вприпрыжку семенили шестеро других. Они смеялись, верещали и кувыркались в листьях на темной, холодной, осенней траве. Лантри следил за ними несколько минут. А потом обратился к одному из мальчиков, который согнулся так тяжело, как будто надувал проколотый воздушный шарик.

— Эй! — сказал Лантри. — Не беги. Устаете.

— Конечно, — согласился мальчик.

— Ты можешь сказать мне, почему вдоль улицы нет фонарей?

— А почему вы спрашиваете?

— Я учитель и хочу проверить, знаешь ли ты, — сказал Лантри.

— Хорошо, — ответил мальчик. — Потому что они не нужны.

— Но ведь становится темно.

— Ну и что?

— Не боишься? — спросил Лантри.

— Чего?

— Темноты.

— Ха! Ха! Ха! А почему я должен бояться?

— Видишь ли, — сказал Лантри, — опускается мрак, становится страшно. А фонари придумали, чтобы этот мрак разгонять и побеждать страх.

— Это смешно. Фонари служат для того, чтобы видеть, куда идешь. И ничего больше.

— Ты не понимаешь, о чем я говорю, — сказал Лантри. — Может, ты хочешь сказать, что мог бы всю ночь просидеть на пустой площади и ничего бы не боялся?

— Чего?

— Чего, чего! Темноты!

— Ха! Ха! Ха!

— Пошел бы на гору и сидел бы там всю ночь, в темноте?

— Конечно.

— И мог бы остаться один в пустом доме?

— Ясно.

— И не боялся бы?

— Да нет же!

— Ты маленький лгунишка!

— Прошу не называть меня этим гадким словом! — крикнул мальчик. Это было действительно обидное слово. Пожалуй, самый плохой эпитет в ненавистном для Лантри мире. Маленькое чудовище разозлило Лантри.

— Слушай, — сказал он, — посмотри мне в глаза...

Мальчик посмотрел.

Лантри оскалил зубы, вытянул руки, растопырил пальцы и скривился в чудовищной гримасе.
 — Ха! Ха! Ха! Какой вы смешной!
 — Что ты сказал?
 — Что это смешно! Сделайте еще раз так же! Эй! Ребята, идите сюда! Этот господин делает смешные вещи! Сделайте еще раз то же самое! Ну, пожалуйста!
 — Обойдетесь. Спокойной ночи! — Лантри удалился.
 — Спокойной ночи! — закричал мальчик. — И помните о темноте!

Все это от глупости, от обычной, заслуживающей наказания бессмысленной глупости. Никогда в жизни он не видел ничего подобного! Воспитывать детей безо всякого воображения! Да как можно ощущать себя ребенком без выдумок, без детских суеверий и детских страхов!

Он перестал бежать, замедлил шаги и обнаружил, что стоит на темной улице, между перекрестками, почувствовал страх и направился к углу, где горел фонарь.

— Так лучше, — сказал он, вытягивая к нему руки, как человек, желающий согреться у огня.

И вдруг Лантри понял, насколько жалок он и насколько слаб, он, убивающий любого одним ударом ладони. Зачем они пробудили его, что им было нужно? Они сказали, что больше, он не может лежать там, в гробу, на кладбище. А он хотел там лежать. У него вовсе не было желания встать и ходить. Все эти века ему хватало того, что он лежит в глубокой могиле и сознает, но не чувствует физически тиканья миллионов жуков-будильников вокруг, кружения в земле червей, похожих на клубящиеся мысли.

Но тогда пришли они и сказали: «Вылезай — и в печь!» А это самое худшее, что можно сказать человеку, тем более — мертвому. Ему нельзя приказывать, что он должен делать. Если сказать ему, что он мертв, ему захочется жить. Если сказать, что вампиры не существуют, он захочет стать вампиром, просто так, на зло. Если ему сказать, что мертвый человек не может ходить, он наверняка встанет на ноги. Если кто-нибудь скажет, что убийства больше не совершаются, он убьет. Именно, он является всем тем, что невозможно. Это они вызвали его к жизни своими делами, своей близорукой прагматической недалекостью! Они говорят, что солнце и ночь одинаково хороши, что во мраке нет ничего плохого. О, как же они ошибаются!

И чувствуя, что ярость вновь поднимается в нем, Лантри подпрыгнул и выбросил кулак в сторону маленьких ухоженных домиков — тех, в темноте, далеко от фонаря.

— Темнота — это страх! — закричал он. — Вы должны бояться! Слушайте! Так всегда было в мире! Вы, уничтожившие Эдгара Аллана По и чудесного Лавкрафта, и ты, кто сжег карнавальные маски, и ты, кто уничтожил человеческие голоса из высушенных тыкв. Я превращу ночь в то, чем она когда-то была, против него человек защищался, строя свои освещенные города и плоды бесчисленных детей!

И как бы в ответ на это в небе пролетела ракета, таща за собой яркий султан огня. Лантри сжался и заскулил.

До городка Сайенс Порт оставалось всего десять миль, когда часа в четыре, перед самым рассветом, какой-то серебряный жук остановился около него, у обочины дороги.

— Здравствуйте! — окликнул Лантри из машины мужской голос.

— Здравствуйте, — ответил уставший Лантри.
 — Почему вы идете пешком? — спросил мужчина.
 — Я иду в Сайенс Порт.
 — А почему не едете?
 — Я люблю ходить.
 — Никто не любит ходить. А может, вы больны? Подбороть вас?

— Спасибо, но я действительно люблю ходить. Мужчина заколебался, потом закрыл дверцу жука.
 — До свидания!

С досады Лантри сплюнул. Остаток ночи он шел довольно далеко от дороги, чтобы в случае появления жука успеть укрыться в зарослях. «Светиться» ему не хотелось.

Едва выглянуло солнце, он залез в пустую трубу сухого канала и закрыл глаза.

Сон был так реалистичен, как будто все происходило наяву. Вот кладбище, где он лежал и дозревал веками. Раннее утро, шаги работников. Билл и Джим возвращаются, чтобы покончить с его могилой.

— Ты не подашь лопату, Джим?
 — Пожалуйста!
 — Минутку, минутку!
 — Что такое?
 — Взгляни-ка! Ведь мы не закончили вчера, правда?
 — Ну да.
 — Был еще один гроб, так?
 — Да.
 — А теперь он пустой.
 — Ты перепутал могилы.
 — Какая фамилия на надгробье?
 — Лантри. Уильям Лантри.
 — Это он, он самый! Пропал.
 — Каким образом?
 — Откуда мне знать? Вчера было тело.
 — Люди не хоронят пустые гробы. Труп был, а теперь его нет.

— Может, все-таки гроб был пуст?
 — Ерунда. Чувствуешь этот смрад? Наверняка тело было. Минута молчания.
 — Надеюсь, никто его не забрал?
 — Зачем?
 — Может, как сувенир.
 — Не дури. Люди не крадут.
 — В таком случае, есть только одно объяснение.
 — Ну?
 — Встал и пошел.

Пауза. После нее Лантри ожидал услышать смех. Однако вместо смеха могильщик проговорил — и вполне серьезно: — Да. Так и должно быть. Встал и пошел.
 — Интересно...
 — И вправду интересно...

ЛАНТРИ проснулся. Да, сон, но до чего же правдивый! Как странно разговаривали эти люди. Так, как должны говорить люди будущего. Люди будущего. Лантри криво усмехнулся. Это будущее произошло сейчас. Не через триста лет, сейчас. Не в двадцатом веке. О, как спокойно эти люди из сна сказали: «Встал и пошел». «Интересно». «И вправду интересно...». Даже голос не задрожал. Не оглянулись тревожно назад, не побелели, лопаты не затряслись в их руках... Разумеется, их до предела запрограммированное сознание искало объяснение, одно-единственное объяснение. Труп не могли украсть. «Люди не крадут». Испариться, яко дым от лица огня, он не мог, значит... Труп просто-напросто «встал и пошел». Труп мог уйти только сам. Да, он не в состоянии был даже представить глубины их практицизма. Практицизма, смыкающегося с мистикой? И так, что из этого следует? Нет-нет... Они, скорез, решат, должны решить, что человек из гроба сотни лет находился в состоянии потайной жизни, но не был действительно мертв. А шум и суматоха вывели его из этого состояния.

Каждый, наверное, слышал о маленьких зеленых жабках, которые в иле или во льду живут в летаргии. И с том, что когда ученые вынимают их оттуда, разогревают в руках, то жабки принимают скакать и мигать тусклыми черными глазками. Ничего странного, что могильщики так могли подумать и о Лантри.

Но что будет, если, к примеру, завтра они увяжут между собой различные факты? Если сопоставят исчезновение тела со взрывом крематория? Что будет, если этот Бюрк, который вернулся с Марса, спросит снова какие-нибудь книги, а библиотечарша ему скажет: «Недавно здесь был ваш друг, Лантри». И тогда он спросит: «Что за Лантри? Не знаю никого с такой фамилией». И она ответит: «Ах, значит, он солгал». А теперь люди не лгут. И тогда все станет на место — точка за точкой, кусок за куском. Какой-то человек, который был бледен, хотя должен быть розовощек и румян, солгал, а ведь люди не лгут; и какой-то человек шел обочиной сельской дороги, а люди уже не ходят; и с кладбища исчезло тело, и произошел взрыв в крематории, и... и...

Они начнут его искать и в конце концов найдут. Его легко найти, ибо он ходит пешком, и жет и бледен. Они найдут его, заберут и швырнут в ближайший крематорий. И это будет мистер Уильям Лантри, что точно, как дважды два четыре.

И сделать можно только одно! Он резко вскочил на ноги, широко открыл рот и вытаращил глаза. Он должен увидеть, любить без конца. Из врагов он должен сделать друзей, любящих его подобных, которые ходят, хотя и не долж-

ны, которые бледны в мире румяных. Он должен убивать, убивать и еще раз убивать. Он должен производить трупы, мертвецов, покойников. Он должен уничтожать крематории за крематорием, по очереди. Взрыв за взрывом. Смерть за смертью.

Прежде чем его выследят пойманут и прикончат, они сами должны погибнуть. Пока он в безопасности, пока он может безнаказанно убивать, а они не могут никак ему ответить, он будет действовать!

Лантри решительно вылез из канала, вышел на дорогу, достал перочинный нож и остановил первую проезжавшую мимо машину.

Совсем как на празднике Четвертого июля! Самый большой из всех фейерверков! Крематорий в Сайенс. Порт лопнул пополам и разлетелся вдребезги! После тысячи маленьких взрывов раздался большой. Обломки крематория поразили город, разбивая дома и поджигая деревья. Взрыв разбудил людей, а потом погрузил их в вечный сон.

Сидя в жуке, который не был его собственностью, Уильям Лантри лениво переключал каналы радиоприемника. Взрыв крематория лишил жизни около четырех сотен человек. Множество погибло под обломками домов; выбежавших на улицу добивали падавшие с неба куски металла. Пришлось устроить временный морг...

Лантри записал его адрес в блокнот.

И так далее, подумал он. Армия мертвецов от города к городу, континент за континентом — уничтожить крематории, столбы огня, до тех пор, пока не распадется эта великолепная стерильная система!

Он нажал рычаг в полу жука и, улыбаясь, двинулся темными улицами города.

Власти реквизируют под морг старый склад. От полуночи о четырех утра серые жуки подъезжали к нему по блестящим от дождя улицам и оставляли трупы. Служащие крематория укладывали трупы на цементный пол и укрывали сверху белыми простынями. Длилось это непрерывно.

Около пяти приехала первая группа родственников, чтобы опознать своих сыновей, отцов, матерей и братьев. Люди быстро входили в помещение склада, проходили опознание и торопливо удалялись. До шести, когда небо на востоке слегка просветлело уже все ушли.

Уильям Лантри пересек широкую мокрую улицу и вошел в склад. В руке он держал кусочек голубого мела. Лантри миновал привратника и на ходу поймал обрывок его фразы, обращенной к двум служащим: «...завтра забвем тела в крематорий в Меллин Таун...»

Лантри все время двигался, шаги его тихим эхом отражались от цементного пола. Он испытывал беспредельное облегчение, рассказывая между укрытыми саванами трупами. Он был среди своих. Даже больше — он был среди contemporaries им самим мертвецов, своих будущих друзей и единомышленников!

В складе было тихо, спокойно и темно. Лантри поискал глазами привратника. Он был далеко — вместе с теми двумя служащими переходил дорогу, чтобы поговорить с кем-то, сидящим за рулем жука.

Уильям Лантри рисовал голубым мелом звезду возле каждого из лежащих тел. В несколько минут, то и дело оглядываясь, он «отметил» более ста трупов, затем выпрямился и сунул мел в карман.

Пока он веками лежал в земле, в него, как в глубоко закопанную губку, впитались мысли всех минувших со времен Адама поколений. И теперь как нарочно какая-то черная пишущая машинка непрерывно выстукивала в его умершей чре- тыре столетия назад памяти ровные строки: «Теперь пришло время, чтобы все добрые люди стали помогать друг другу...» «Лазарь, тебе говорю, встань и иди!»

Он знал нужные слова. Требовалось только произнести их, как это делали столетия назад. Достаточно произвести движение руками, произнести магические слова — и трупы двинутся, начнут вставать и ходить.

Он поднял руки и стал шевелить губами. Он произнес эти слова. Сначала певучим шепотом, а потом и в полный голос. Он позорил их снова и снова, раз за разом. Глаза Лантри были закрыты говорил он все быстрее и быстрее. Магические слова буквально текли с его губ. Он вздевал руки го-

ре, наклонял голову и говорил, говорил, говорил без конца.

— А теперь, — вскричал он вдруг, — вставайте! Все! Никакой реакции.

— Встать! — заорал он.

Простыни бело-голубыми складками лежали на неподвижных телах.

— Слушайте меня и вставайте! — опять выкрикнул Лантри.

Вдалеке с шумом проехал жук.

А Лантри кричал и просил. Он наклонялся над телами и угрожал каждому в отдельности. Как безумный он бежал между ровными белыми рядами, размахивая руками. Напряженный труд!

Лантри был очень бледен.

— Ну, вставайте, вставайте, — говорил он. — Вадь вы всегда вставали, когда рисовали вот такой знак и говорили вот такие слова! Всегда вставали! Так почему же теперь не хотите? Ну, вставайте, вставайте, пока они не вернулись!!!

Склад укрыла тень. Только крики одинокого мужчины раздавались в темноте и гробовой тишине.

Лантри остановился.

Сквозь проем входа он увидел далекие холодные звезды. Руки его бессильно упали. Шел 2349 год.

Когда-то у людей бегали по спине мурашки, если они слышали ветер за окнами — они вешали кресты, кропили оконные переплеты святой водой, они верили в упырей, оборотней и вампиров. И пока они верили, до тех пор существовали упыри, оборотни и вампиры. Вера рождала их; придавала им реальную форму.

Но...

Лантри посмотрел на прикрытые простынями тела.

Эти люди не верили. Никогда. И никогда не поверили бы. Они не представляли, что мертвый человек может вставать и ходить. В их мире мертвые покидали землю вместе с дымом крематориев. Они никогда не слышали о суевериях, не тряслись от страха в темноте. И ничто не заставит их встать — ни магические слова, ни магические знаки. Они мертвы и знают, что мертвы. Они сильнее мертвые из всех мертвых!

И он остался один. Более одинокий, чем самый последний человек на Земле. Потому что он мертв. Лантри чувствовал, как холод одиночества заполняет грудь, душит его.

ЛАНТРИ резко обернулся на звук шагов — в помещение склада входил высокий мужчина с седыми волосами, в легком коричневом плаще.

Торчать здесь дальше не было смысла. К тому же мужчина мог слышать его беспорядочные выкрики, мог заподозрить... Лантри медленно пошел к выходу. Мимоходом он бросил настороженный взгляд на мужчину. Нет, не мог...

У выхода Лантри остановился. На мгновение ему захотелось лечь и снова быть настоящим неподвижным трупом, чтобы его вырыли, как всех, из могилы, унесли в крематорий и вышвырнули из этого мира в пепле и бушующих огненных столбах. Если он действительно один и нет шансов собрать армию, зачем тогда продолжать убивать? Он может убить еще много тысяч, но что толку?!

Лантри посмотрел на холодное небо.

Темный небосклон пересекла ракета, таща за собой огненный шлейф.

Среди миллионов звезд кружил Марс.

Марс. Библиотека. Библиотечарша. Разговор. Возвращающиеся космонавты. Могилы.

Лантри едва не крикнул и задержал руку, которая так хотела дотянуться до Марса. Роскошная красная звезда! Добрая звезда, которая дала ему новую надежду. Если бы у него было живое сердце, оно колотилось бы как безумное!

Он пойдет туда, откуда взмывают ракеты! Полетит на Марс и найдет там могилы. Он мог поклясться своей ненавистью, что там есть умершие, которые встанут и пойдут за ним. У них были захоронения, значит, была древняя культура, которая, как любая древняя культура, непредставима без верований в потусторонний мир и ночных страхов! Итак, Марс! Великолепный Марс!

Но ему нельзя скомпрометировать себя! Он хотел бегать, спасаться, а это худшее, что можно придумать!

Мужчина у выхода изредка поглядывал на Лантри. И Уильяма Лантри вновь охватили сомнения. Надо проверить; вдруг

заподозрил? Лантри заставил себя подойти к мужчине. Они вместе стояли перед моргом. Тот — высокий румяный седой — и Лантри с руками в карманах. Ночь была холодной, белый свет месяца серебрил здесь дом, там дорогу, а еще дальше участок реки.

— Сигарету? — предложил мужчина. Казалось, он хотел завязать разговор.

— Спасибо.

Они закурили. Мужчина смотрел на губы Лантри.

— Холодная ночь, — сказал он.

— Холодная.

Они переминались с ноги на ногу.

— Страшное несчастье.

— Да, страшное.

— Столько убитых.

— Да.

Лантри чувствовал себя так, как будто оказался на чаше весов. Мужчина точно вслушивался в него, исподволь изучал, взвешивая про себя, и Лантри захотелось вдруг поскорей уйти. И вместе с тем что-то удерживало его. Высокий седой мужчина сказал:

— Меня зовут Макклайр.

— У вас там были друзья? — спросил Лантри.

— Нет. Всего лишь знакомые. Чудовищное несчастье.

— Чудовищное.

Они изучали друг друга. Какой-то жук проехал по улице на своих семнадцати вращающихся колесах.

— Простите, — сказал Макклайр.

— Слушаю вас.

— Вы не могли бы ответить на один вопрос?

— С удовольствием, — сказал Лантри, открывая в кармане нож.

— Вас зовут Лантри?

— Да.

— Уильям Лантри?

— Да.

— Значит, вы тот человек, который позавчера вышел с кладбища в Салем?

— Да.

— Слава богу! Как я рад, что встретил вас! Мы ищем вас уже 24 часа!

Мужчина схватил его руку.

— Ищете?

— Приятель, зачем вы сбежали? Вы понимаете, что это за событие? Мы хотим с вами поговорить!

Макклайр радостно улыбался. И еще одно рукопожатие, хлопок по спине.

— Я знал, что это вы!

«Этот человек спят, — подумал Лантри, — совершенно сошел с ума. Я уничтожаю крематории, убиваю людей, а он пожимает мне руку. Сумасшедший, психопат!»

— Вы не согласитесь пойти в Центр? — сказал мужчина, беря его под руку.

— В какой Центр? — Лантри шагнул назад.

— В Центр Науки, конечно. Настоящие случаи скрытой жизни встречаются не каждый день. Одно дело у низших животных, но у людей... Так вы идете?

— А в чем дело? — спросил Лантри со злостью. — Зачем вообще этот разговор?

— Друг мой, да Бог с вами! — мужчина был ошеломлен.

— Ладно. Это что, единственная причина, по которой вы хотите меня видеть?

— А какая еще причина может играть роль, мистер Лантри? Если бы вы знали, как я рад, что вижу вас! — Мужчина чуть не начал танцевать. — Я сразу узнал вас. Эта ваша бледность и так далее. И то, как вы курите сигарету, — что-то в этом было — и множество других вещей, я все почувствовал подсознательно. Но это вы, правда? Это вы?

— Я — Уильям Лантри, — сухо сказал Лантри.

— Ну идемте, идемте же, мой дорогой!

ЖУК мчался по улицам города, и Макклайр говорил без остановки.

Лантри сидел и слушал, как этот глупец открывает перед ним свои карты. Этот жалкий ученый или кто он там еще не осознает, что перед ним убийца. Совсем наоборот! Считает его только случаем скрытой жизни!

— Конечно! — воскликнул Макклайр, оскалив в улыбке зу-

бы, — вы не знали, куда пойти, к кому обратиться. Все казалось вам неправдоподобным.

— Да.

— Я чувствовал, что вы будете в морге этой ночью, — сказал Макклайр с удовольствием.

— Оо! — Лантри замер.

— Да. Я не могу этого объяснить. Но вы, как бы это сказать, стародавние американцы, имели забавные взгляды на смерть. А вы так долго находились среди мертвых, что я чувствовал, эта трагедия, морг и все это приведет вас сюда. Нелогично, глупо, просто предчувствие — я ненавижу предчувствия — но так было. Меня что-то подтолкнуло. Вот именно «подтолкнуло». Вы так бы выразились? Правда?

— Можно сказать и так.

— А видели вы что-нибудь такое интересное, чего не было в ваше время?

— Видел.

— Вы не голодны?

— Нет, я уже ел.

— Как вы передвигались?

— Автостопом.

— Чем?

— Меня подвозили люди.

— Неслыханно!

— Я так и предполагал. — Лантри посмотрел на дома, мимо которых они ехали. — Сейчас эра космических путешествий?

— Да, мы летаем на Марс, на Венеру...

— Поразительно. А эти большие трубы, эти башни в центре каждого города?

— Вы не знаете? Крематории. Да, конечно, в ваше время не было ничего подобного. Почему-то нам с ними не везет. Взрыв в Салем, а теперь здесь. И все в течение срока восьми часов. Мне показалось, что вы хотели что-то сказать.

— Я подумал, — сказал Лантри, — как мне повезло, что я тогда вышел из гроба. Меня могли бы бросить в один из этих ваших крематориев и сжечь.

— В самом деле? Какой ужас!

Лантри развлекался. Планы его изменились. Если этот глупец не может опознать преступление, хотя оно само лезет ему в руки, то пусть остается глупцом. Если они не связали двух взрывов с человеком из могилы, тем лучше. Все в порядке. Пусть не ведают и дальше. Если они не представляют, что кто-либо может быть подлым, отвратительным убийцей, пусть небеса сжальются над ними. Он с удовольствием потер руки. О нет, пока что экскурсия на Марс не для тебя, Лантри. Сначала посмотрим, что можно сделать изнутри. Крематории с недельку подождут. К тому же, взрыв, после тех двух, может вызвать лавину догадок!

Макклайр все так же тараторил.

— Конечно, мы не станем исследовать вас немедленно. Вероятно, вы захотите отдохнуть. Я забару вас к себе.

— Спасибо. Я чувствую себя неважно, чтобы сразу пойти на обследование. Думаю, можно начать через неделю.

Они остановились перед каким-то домом и вышли. Макклайр толкнул дверь и направился к бару.

— Выпьем, это пойдет вам на пользу.

— Наливайте себе, — сказал Лантри, — я выпью потом. Я хочу просто посидеть.

— Пожалуйста, пожалуйста, садитесь.

Макклайр налил себе. Медленно подойдя к столу, он сел, прихлебывая маленькими глотками. Казалось, он к чему-то прислушивается.

— Сигареты на столе, — сказал он.

— Спасибо.

Лантри взял одну и закурил, какое-то время ничего не говоря. «Я воспринимаю все слишком легко, — подумал он. — Пожалуй, я должен убить его и убежать. Он единственный человек, который нашел меня. Может, это ловушка. Может, мы просто ждем полицию или чего-нибудь, что у них вместо полиции». Он посмотрел на Макклайра. Нет, они ждут не полицию. Они ждут чего-то другого.

Макклайр ничего не говорил. Он смотрел на лицо Лантри и на его руки. Довольно долго с безмятежным спокойствием разглядывал его грудную клетку и медленно тянул напиток. Наконец сказал:

— Откуда у вас эта одежда?

— Я попросил и мне ее дали. Это было очень благородно с их стороны.

— Такие уж мы есть. Достаточно только попросить. Макклайр снова замолчал. Где-то вдалеке тикали часы.

— Расскажите мне о себе, мистер Лантри.

— Мне нечего рассказать вам.

— Вы скромны.

— Не в этом дело. Прошлые вы знаете, пожалуй, не хуже меня. Я же многое забыл. А о нынешнем немного узнаешь, лежа в гробу.

Макклайр не ответил. Он вдруг наклонился вперед, а потом снова уселся в кресло и покивал головой.

«Они никогда не будут меня подозревать, — подумал Лантри, — они не суеверны, просто они НЕ СМОГУТ поверить, что мертвый человек может ходить. Я буду снова и снова откладывать медицинское обследование. Они вежливы и не станут меня заставлять. Вживусь в роль — притирания, мази... Стану розовощеким, бодрым. Наведу лоск, чтобы ничем не отличаться от них... А потом я все устрою так, чтобы попасть на Марс! Боже, как все просто! До чего же наивны эти люди!»

Макклайр сидел по другую сторону комнаты. Лицо его медленно терло свой цвет; как капельница, из которой потихоньку вытекают лекарства.

Лантри то и дело затягивался сигаретой и выпускал дым, затягивался и выпускал. В комнате было так тихо, что Лантри почти слышал, как дым от сигареты поднимается к потолку.

Макклайр медленно каменел. Лантри заметил, как бледнеют его худые щеки, как пальцы сжимаются на стакане, как, наконец, в глазах появляется и уже не исчезает странный лихорадочный блеск.

Лантри не шевелился. Не мог. Все это было так захватывающе, что он хотел только смотреть и слушать. И тут Макклайр заговорил, медленно, подбирая слова.

Я ОДИН в комнате. Сначала я думал: он сознательно дышит носом. Извините, но я разглядывал ваши ноздри, мистер Лантри. Волоски в них не дрогнули ни разу. Он специально дышит ртом, сказал я себе. Я дал вам сигарету. Вы втягивали и выпускали дым. И опять только ртом. Я подумал: что ж, все в порядке, он не затягивается. Что в этом странного? И я посмотрел на вашу грудную клетку. Она оставалась неподвижной — ни разу не поднялась и не опустилась.

Он внушил себе — подумал я. Он внушил себе. Грудная клетка у него не движется но он дышит, когда на него никто не смотрит. Именно так я подумал.

В тишине комнаты слова плыли непрерывным потоком, как во сне.

— Тогда я предложил вам выпить. Вы отказались. Я подумал — не пьет. Ну и что? Я наблюдал за вами и решил: вы изображаете помешанного и специально задерживаете дыхание. Но теперь, да, я все отлично понял! Теперь я знаю, как все выглядит в действительности. Откуда? Я не слышу дыхания, жду и не слышу. Нет биения сердца, нет звука работающих легких! Такая тишина! Вздор, могут сказать мне, но я знаю. Ибо существует принципиальная разница: когда вы входите в комнату, где на кровати лежит какой-нибудь человек, вы сразу определяете, чьего он на вас, скажет что-нибудь или уже никогда не ответит. Есть нечто особенное в атмосфере комнаты, где находится живой, и этого особенно нет там, где лежит труп!

Макклайр прикрыл глаза и отставил стакан. Подождав немного, он затянулся сигаретой и положил ее в пепельницу.

— Я один в этой комнате, — повторил он.

Лантри сидел молча.

— Вы мертвы, — сказал Макклайр, — но не разумом я дошел до этого. Это не вопрос дедукции. Это дело подсознания. Может быть, подумал я, он решил, что мертв, что восстал из мертвых и считает себя вампиром? Разве здесь нет логики? Разве не так думал бы о себе человек, воспитанный в полной предрассудков, слабо развитой культуре, который столько веков пролежал в могиле? Да, это логично. Этот человек загнил и отравился себя и так отрегулировал функции своего организма, что они не лишают его иллюзии, не нарушают его паранойи. Он управляет своим дыханием. Убеждает себя, что если не слышит его, значит, мертв. Он не ест и не пьет, по крайней мере, когда бодрствует. Делает это, вероятно, во время сна, без участия сознания, прячет доказа-

тельства человеческих действий от своего обманутого разума.

Но я ошибся. Вы не безумец. Вы не обманываете ни себя, ни меня. Я не в состоянии классифицировать вас, и это меня ужасает. Чувствуете ли вы удовольствие от мысли, что ужасаете меня? Вы очень странный человек, мистер Лантри. Я рад, что познакомился с вами. Отчет будет действительно интересен.

— Разве есть что-нибудь неуместное в том, что я мертв? — спросил Лантри. — Разве это преступление?

— Однако вы должны признать, что это очень необычно.

— Но, я спрашиваю, разве это преступление?

— У нас нет ни преступлений, ни судов. Конечно, мы хотим вас исследовать, чтобы установить, как получилось, что вы существуете. Это как с химическим соединением, которое до определенного времени инертно и вдруг становится живой клеткой. Кто может сказать, что с ним произошло? Вы как раз нечто подобное. Этого хватит, чтобы сойти с ума.

— Вы отпустите меня после ваших исследований?

— Вас не будут задерживать. Если вы не хотите, мы не будем вас исследовать. Но, надеюсь, вы нам поможете.

— Поглядим.

— Но, скажите, — произнес Макклайр, — что вы делали в морге?

— Ничего.

— Когда я входил, то слышал, как вы что-то говорили.

— Я был там просто из любопытства.

— Вы лжете. Это очень плохо, мистер Лантри. А правда такова, что вы мертвы и, как единственный представитель этого вида, чувствуете себя одиноким. Поэтому вы убивали, чтобы иметь товарищей.

— Как вы догадались?

Макклайр рассмеялся.

— Логика, мой дорогой друг. Когда минуту назад я понял, что вы мертвы по-настоящему, что вы настоящий — как вы это называете — вампир (глупейшее слово!), я немедленно связал вас со взрывом в крематории. До этого не было повода. Но едва я нашел недостающее звено, легко было догадаться о вашем одиночестве, ненависти, ревности, всей мотивации поступков ходячего трупа. И тогда я мгновенно увидел взрывающиеся крематории и подумал, что среди тел в морге вы искали помощи, друзей, людей подобных себе, чтобы с ними работать...

— Будь ты проклят! — Лантри вскочил с кресла. Он был всего в двух шагах от Макклайра, когда тот отскочил и, избежав удара, опрокинул стол. С отчаянием Лантри осознал, что как идиот не воспользовался шансом убить Макклайра раньше, в машине. Тихо и без хлопот. Ну, ничего...

— Иди сюда! — Лантри вынул нож.

Макклайр встал за кресло. Мысль о бегстве, защите и борьбе по-прежнему была чужда ему. Она только начинала зарождаться. Надо было действовать без промедления.

— О нет, — как бы с сомнением говорил Макклайр, заслоняясь от Лантри креслом. — Вы хотите меня убить. Это странно, но это так. Я не могу этого понять. Вы хотите искалечить меня ножом или что-нибудь в этом роде, а мне нужно мешать вам сделать такую странную вещь.

— Я убью тебя! — вырвалось у Лантри, и он тут же прикусил язык. Самое худшее, что он мог сказать, прозвучало.

Навалившись грудью на кресло, Лантри старался схватить Макклайра за талию.

Макклайр отклонился и рассуждал при этом очень логично:

— Убив меня, вы ничего не добьетесь и знаете это. Они продолжали бороться. С опрокидывающихся столов падала посуда.

— Вы помните, что произошло в морге?

— Какая разница! — рявкнул Лантри.

— Вы не воскресили тех умерших, правда?

— Ну и напелаты! — крикнул Лантри.

— Послушайте, — увещевал его Макклайр, — уже никогда больше не будет таких, как вы, никогда, никогда.

— Тогда я уничтожу вас всех до единого! — кричал Лантри.

— И что тогда? Вы все равно будете одиноки!

— Я полечу на Марс. Там есть могилы. Я найду таких, как я!

— Нет, — сказал Макклайр, — вчера и там вышло постановление. Из всех могил извлекают трупы. Они будут сож-

жены на следующей неделе.

Они упали на пол, и Лантри схватил Макклайра за горло.
 — Видите, — сказал Макклайр, — вы умрете.
 — Как это?! — крикнул Лантри.
 — Когда вы убьете всех нас и останетесь один, вы умрете! Умрет ненависть, которая вами движет! Вы же не бес-
 смертны. Вы даже не живы, вы всего лишь ходячая нена-
 висть.
 — Ну и наплевать! — орал Лантри и душил противника.
 Макклайр смотрел на него тускнеющими глазами.
 Открылись двери и в комнату вошли двое мужчин.
 — Что здесь происходит? — спросил один из них. — Какая-
 то новая игра?
 Лантри вскочил и бросился наутек.
 — Да, новая игра, — прохрипел Макклайр, сляясь поднят-
 ся. — Схватите его и выигрете!
 Мужчины схватили Лантри.
 — Мы выиграли! — сказали они.
 — Пустите! — Лантри бил их наотмашь по лицам, стараясь
 вырваться. Полилась кровь.
 — Держите его крепче! — крикнул Макклайр.
 Мужчины повалили Лантри на пол и прижали коленями.
 — Фи, какая грубая игра, — сказал один из них. — А что
 дальше?

ПО лесной дороге ехал жук. Шел дождь, и ветер рас-
 скачивал мокрые, темно-желтые деревья. Впереди
 жука, держа руки на руле, сидел Макклайр и гово-
 рил что-то журчащим, гипнотизирующим шепотом.
 Двое мужчин сидели сзади. Между ними, в центре
 машины, сидел, а точнее, лежал Лантри, откинув го-
 лову назад. Глаза его были закрыты, на щеках отражалась
 яркая зелень светящихся указателей приборной доски. Он
 молчал.

Макклайр спокойно и логично говорил о жизни и движе-
 нии, о смерти и неподвижности, о солнце и о большом сол-
 нечном крематории, об опустевшем кладбище, о ненависти,
 о том, как ненависть жила и сделала так, что один мертвец
 ожил и начал ходить и как нелогично было это все, все, все.
 Если кто-то мертв, мертв, мертв, это конец, конец, конец.
 Тихо шурша, машина ехала дорогой, стелющейся под колеса.
 С ветровое стекло мягко разбивались капли дождя. Мужчи-
 ны на заднем сидении тихо разговаривали. Куда они ехали?
 Конечно, в крематорий. В салоне жука лениво плавал табач-
 ный дым, создавая серые, волнующие спирали и петли. Если
 кто-то умер, то он должен с этим смириться, смириться, сми-
 риться...

Лантри не двигался. Он был как марионетка, у которой
 перерезали шнурки. В сердце и в глазах, напоминающих два
 уголька, у него была только капля ненависти — слабой, едва
 видимой, гаснущей.

«Я По, — думал он. — Я все, что осталось от Эдгара Алла-
 на По, и все, что осталось от Амброза Бирса, и все, что оста-
 лось от некоего Лавкрафта. Я старый ночной нетопырь с ост-
 рыми зубами и черным туловищем. Я стоящий в языках пла-
 мени дом Эшероу. Красная смерть, человек, замурованный
 в катакомбах с бутылкой амонтильядо... Я танцующий скелет,
 гроб, саван, молния, отражающаяся в окне старого дома. Я
 дерево, лишенное осенью листьев, я маска смерти, выгляды-

вающая из-за него в последний день осени. Я варящееся в
 котле отравленное яблоко, черная свеча, горящая перед пе-
 резернутым крестом. Я крышка гроба, простыня с глазами,
 шаги на темной лестнице. Я легенда о Спящей Долине, Обезья-
 няня Лапка и Рикша-Призрак. Я Кот и Канарейка, Горилла и
 Нетопырь, я Дух отца Гамлета в стенах замка.

Это все я. И все эти вещи будут сейчас сожжены. Когда я
 жил — они тоже были живы. Когда я двигался, ненавидел, су-
 ществовал, — они еще существовали. А сегодня мы сгорим
 все вместе!

О, какой мы поднимем крик! Мир будет от нас свободен,
 но, уходя, мы еще скажем: где полное тайн воображение
 прошедших времен? Куда исчезли угроза, страх, неуверен-
 ность?

Все это пропало и никогда не вернется, сожженное людь-
 ми из ракет и крематориев; перекрытое входами, которые не
 запираются на ночь, освещенное огнями, которые зажигаются
 и гаснут, не вызывая страха. Ну, тогда еще один глоток амон-
 тильядо, дорогие друзья, перед сожжением! Сегодня умрет
 целый мир. Еще один глоток, один глоток, умоляю!»

— Приехали, — сказал Макклайр.

Крематорий был ярко освещен. Играла тихая музыка. Мак-
 клайр вышел из жука, подошел к двери и открыл ее. Лантри
 просто лежал. Под влиянием слов, логических слов, из него
 вытекла жизнь. Сейчас он был только восковой куклой с иск-
 рой света в глазах. Ах, этот мир будущего, эти люди и этот
 их способ говорить — как логично они доказывали, что ты
 не должен жить. Они не хотели в него поверить. Сила их
 неверия заморозила его. Он не мог двинуть ни рукой, ни
 ногой, мог только бормотать что-то бессмысленное.

Макклайр и двое мужчин помогли ему выйти из машины,
 уложили его в золотой ящик и на столе с колесиками ввели
 в лучащийся теллом крематорий.

«Я Эдгар Аллан По. Амброз Бирс, гроб, саван, Обезьяня
 Лапка, упырь, вампир...»

— Да, да, — тихо сказал над ним Макклайр. — Я знаю.

Стол двигался вперед. Стены вокруг него раскачивались.
 Музыка играла.

Ты мертв. Ты логически мертв.

«Никогда уже я не буду Эшероу; Мальстремом; Рукопи-
 сью, Найденной в Бутылке; Колодцем и Маятником; Серд-
 цем-Обличителем; Вороном... Никогда, никогда».

— Никогда, — сказал Макклайр. — Я знаю.

— Я в подземельях! — крикнул Лантри.

— Да, в подземельях, — сказал один из мужчин.

— Меня прикуют цепью к одной из стен, а здесь нет бу-
 тылки амонтильядо, — слабым голосом сказал Лантри, лежа
 с закрытыми глазами.

— Я знаю, — сказал кто-то.

Какое-то движение. Открылись огнеупорные двери.

— А теперь меня замуровывают!

— Да, я знаю.

Шорох. Золотой саркофаг скользнул в огненный шлюз.

— Меня замуровывают!!! Ну и шулка! Мы пропадем! — ди-
 кий крик и взрыв смеха.

Открылись внутренне двери, и золотой саркофаг взмет-
 нулся ввысь новым огненным столбом.

— Ради всего святого, Монтезор! Ради всего святого!

Пер. И. Нееструева.

Издание подготовлено кооперативом «Свиток».

СОДЕРЖАНИЕ

Карт-Влашиш 2
 Татьяна Грай

Горги (комикс) 14
 Художник И. Отраднов

Столб огня 24
 Рэй Брэдбери

Над девятнадцатым выпуском «ПиФа» работали:
 М. Пудовкин, С. Гаврилова, Л. Мокитулло,
 И. Халымбаджа, О. Аржанников, Н. Мухин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остро сюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Кооператив «Свиток». 1991 — 32 с.
 Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч-изд. в 4,42

Зак. № 793. Тираж 75 000 экз. Цена 2 руб.

Подписано к печати 18.06.91.
 Кооператив «Свиток»

Типография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: г. Свердловск, ул. 8 Марта, 205, строение 2.
 Тел. 25-25-51